

18+

КАТЯ САРГАЕВА

ЛАБИРИНТЫ САНСАРЫ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Катя Саргаева

Лабиринты сансары.

Том первый

<https://litres.ru/74419768>

ISBN 9785007027847

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Из глубин космоса прилетает планета — полная копия Земли, на ней нет только человека. Планета издает особое излучение, из-за которого мы больше не можем вести войны. Это заставляет нас искать новые пути и смыслы жизни.

Между тем идет противостояние двух стран и ожесточенная личная вражда между их лидерами. Много лет они борются с одинаковой проблемой, и лишь хитросплетение их судеб способно ее разрешить.

Эта книга о прощении и Любви, только они дадут тот мир, которого мы еще никогда не видели

Содержание

От автора	5
ТОМ ПЕРВЫЙ	7
Принцип «око за око» сделает весь мир слепым	7
1	8
2	12
3	19
4	26
5	36
6	54
7	61
8	76
9	96
10	107
11	118
12	127
13	133
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Лабиринты сансары

Том первый

Катя Саргаева

© Катя Саргаева, 2026

ISBN 978-5-0070-2784-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-2785-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Половину своей жизни я занимаюсь изучением человека, нашей психологии. В этой, да и любой другой моей книге, человек предстанет перед вами не книжным, а настоящим, таким, какие мы и есть на самом деле.

Человек многосторонен и многогранен. Не бывает однозначно плохих или однозначно хороших людей. Мы разные, и эта разность уместается в одном человеке. Иногда мы делаем то, чего от нас не ожидают окружающие, да и сами от себя мы многого не ожидаем. В этой книге нет идеальных героев, все настоящие многогранные люди, с хорошими и плохими качествами. Все учатся жить в огромном многогранном мире.

Человек, познавший себя, познал человечество. Я познаю себя, познаю других, познаю мир, и рассказываю об этом.

Философия является неотъемлемой частью моей жизни, и я искренне верю в Любовь, и в то, что она спасает мир каждый день. Верю в принятие. Верю в прощение. Верю в мир.

Я начала писать эту книгу в 2019 году, и большая ее часть была написана именно тогда. Я писала эту книгу шесть лет,

и за эти годы наш мир сильно изменился и многое пережил. Идея книги не связана с событиями этих шести лет, хотя очень вписывается в них. Наверное, всему свое время, и выходу этой книги тоже.

ТОМ ПЕРВЫЙ

**Принцип «око за око»
сделает весь мир слепым
Махатма Ганди**

1

Чудес не бывает

*Люди идиоты. Они сделали кучу глупостей:
придумывали костюмы для собак,
должность рекламного менеджера и штуки
вроде айфона,
не получив взамен ничего, кроме кислого
послевкусия.*

*А вот если бы мы развивали науку, осваивали
Луну, Марс, Венеру...*

Кто знает, каким был бы мир тогда?

*Человечеству дали возможность бороздить
космос.*

*Но оно хочет заниматься только потреблением:
пить пиво и смотреть сериалы*

Рэй Бредбери

Рома

Это было одним из самых запоминающихся событий в моей жизни, мы с мамой стояли на балконе и разглядывали Гею. Тогда она наконец остановила свое движение и больше не угрожала разнести Землю лоб в лоб. Сейчас паника спала, и мы могли смотреться в зеркало параллельных миров.

В 2020 году весь мир потрясла жуткая новость — на пла-

нету Земля летит неизвестное космическое тело. Траектория и скорость полета неизменны, и через десять месяцев оно столкнется с Землей. Позже выяснили, что это не астероид, это другая планета, такого же размера, как и наша. Планету назвали Гея.

На ее изучение отправили кучу АМС¹, и то, что они смогли разузнать о Гее, поражало не меньше того, что она летела прямо на нас. Гея была копией Земли. Она была такого же размера и состава, были материки и океаны, и располагались они в точности на тех же местах что и у Земли. Все характеристики наших планет совпадали. Весь рельеф, все горы и впадины до миллиметра совпадали, Гея была как под копирку срисована с Земли. Но самое важное то, что на Гее была жизнь. По предварительным данным на этой планете было все — атмосфера, те же флора и фауна, единственное чего на ней не было — это человека.

Счастливая планета.

Впрочем, было и еще несколько отличий, например, у Геи не было спутника. Но кое-что поражало больше. Гея прилетела из глубин космоса, и находясь далеко от звезды не получала тепла, однако вода на ней была в жидком состоянии, растения спокойно себе росли, а животные размножались. Атмосфера Геи была как бы защитной оболочкой, а тепло и свет излучала сама планета. Эдакий маленький мирок, плывущий в вакууме и не нуждающийся в орбите и звезде. К нам

¹ Автоматическая межпланетная станция.

Гея летела с огромной скоростью и несмотря на это жизнь на ней текла своим чередом.

Гея следовала неуклонным курсом на Землю, но пролетев Марс, отклонилась, а потом села на нашу орбиту, справа от Земли. Это вызвало новую панику, потому что две планеты не могут сосуществовать на одной орбите, они неизбежно должны столкнуться. Но этого не произошло. Не произошло вообще ничего. Появление Геи никак не отразилось на Земле, никаких сбоев полюсов, нарушения силы тяготения и прочего не произошло. Изменений не наблюдалось и на Гее. Она как будто всю жизнь была там, но отлучалась, а сейчас тихонько вернулась.

Спустя некоторое время все привыкли к тому, что уже с утра она показывала в небе свою огромную голубую плоть. Планета была так прекрасна, что дух захватывало. Чистая, безлюдная, девственная, сплошь заросшая лесом и такая голубая! Мечта эколога. Статус планеты ей дадут только через двенадцать лет после ее поселения по соседству. Но мнения, относительно того, что же вообще представляет собой это космическое тело, разнятся и по сей день.

Гея присоседилась к нам в 2021 году. Мне тогда было восемь лет. Появление Геи, ее самостоятельная остановка и становление с нами на одной орбите было самым настоящим чудом, и противоречило всем законам физики и нашим знаниям о космосе. Теперь новые теории принимались всерьез, а старые законы подвергались сомнению. Теперь челове-

ство точно знало лишь одно — это то, что ничего мы толком не знаем, все лишь теория. Это пугало до жути. Ум человека склонен к консервативности, стабильность нас успокаивает, а от нестабильности начинаются массовые психозы.

Когда правительства всех стран просушили штаны, в их глазах загорелись денежные знаки, ведь на Гее не было человека, и планета была полна никем не тронутых полезных ископаемых. Человечеству дали второй шанс, но мы этого не поняли, нас трусило от жажды первенства и наживы, каждая страна хотела первой воткнуть свой флаг в плоть Геи, и за столбить за собой право на планету.

Вместо мира на Земле началась глобальная холодная война, она была названа Ледяной войной. Эта война была необычной, потому что Гея отняла у нас способность к боевым действиям. В ответ на них Гея выбрасывала ранее неизвестное человечеству излучение, оно действовало на людей губительно, а со временем начало убивать нас. Так масштабные кровопролития стали невозможны. Сегодня, тридцать лет спустя, все, что осталось у человека, это его ум и способность к коммуникации.

2

Чужой медведь

Ева

Зимы в Москве морозные и снежные, так всегда было. Я стояла у окна, прислонившись к батарее, и разглядывала морозные узоры по ту сторону стекла. В руках у меня был мохнатый медведь, папа говорил, что у каждой девочки должен быть свой плюшевый мишка. Этот не был плюшевым. Мохнатый, приятный на ощупь, мягкий, красивый и смотрящий на тебя своими искусственными глазами, вышитая улыбка была искренней, насколько возможна улыбка мягкой игрушки, но была чужой. Весь этот медведь был чужим для меня.

Я взрослая женщина, но даже спустя много лет не смогла сродниться с этим медвежонком. Мой родной плюшевый мишка остался в Израиле, мы жили там на окраине городишки Мицпе-Рамон в пустыне Негев. Там работал отец, он был гением, физиком-ядерщиком, конструктором, математиком и программистом. Таких специалистов как он были единицы.

Тогда мне было четыре года. Отец всю жизнь разрабатывал новшества, создавал то, чего раньше не существовало, придумывал и изобретал. В нем не было гордыни и тщеславия, он делал то, что делал, потому что не мог без этого жить.

Гении чудаковатые существа, забавные и удивительные, но жить с ними сложно. Он мог проснуться посреди ночи, и сказать, что прямо сейчас он начнет создавать новый источник энергии, или небьющееся стекло, или какой-нибудь медицинский робот. У нас в гараже стоял аппарат МРТ, который папа собрал от скуки, как конструктор «Лего».

Он всегда писал на бумаге и только карандашом.

— Папа, у тебя же столько компьютеров, почему ты пишешь на листочках? — спрашивала я недоуменно, когда отец пытался отыскать какую-то запись в кипе бумаг, беспорядочно разбросанных по его рабочему столу в кабинете.

— Потому что бумагу можно сжечь и никаких следов, а компьютеры всегда оставляют следы грязных ботинок, — папа поправил очки и усадил меня к себе на колени. — Малыш, ты же помнишь, что главное? Чтобы мои расчеты не использовали для дурных дел, а война, знаешь ли, такая вещь — все идет в ход. А научные разработки можно использовать по-разному.

Отец всегда боялся, что его открытия могут использовать в качестве военных нужд.

Помню, как случайно, показывая мне очередной научный фокус-покус, папа остановился и задумался. А потом его глаза заблестели. Сейчас крикнет «эврика», подумала я тогда.

— Эврика!

Папа сунул мне в руки разборную игрушку-аккумулятор, и уехал в лабораторию.

Лаборатория та, конечно была секретной. Израильские власти нанимали ученых по всему земному шару, и не скупились на зарплату. Тогда первоочередной целью было создание инновационного двигателя для космического корабля. Все глаза мира были устремлены на Гею. Лететь до нее всего ничего, но надо покинуть атмосферу Земли, долететь до Геи, и высадиться на ней, а потом покинуть атмосферу Геи. Ну и в идеале настроить добычу полезных ископаемых, а это значит заселить туда немалое количество людей, доставить их туда вместе с оборудованием. Это для начала, а потом можно и народ туда переселять, желающих было полно.

Все это влетало в копеечку. Двигатели существующих космических кораблей не годились для использования корабля в качестве постоянного транспорта, это тебе не рейсовый автобус.

Несмотря на это многие страны уже отправили свои корабли к Гее. Некоторые сравнивали это с исследованием Арктики на деревянных кораблях в девятнадцатом веке. На планету еще не спускались, все ждали подвоха. Да и как его не ждать? Откуда ни возьмись прилетела *планета!* Так не бывает! Планеты, да еще и с атмосферой, сами собой не летают. Все боялись, что на планете все же кто-то да живет, инопланетяне.

А потом один корабль, естественно от США, спустил двоих космонавтов на челноке. И надо же, их там никто не съел, зеленые человечки не утащили их на свои страшные стан-

ции, и не совали им зонды во все дыры, в качестве изучения (как будто мы можем представлять интерес для более развитой цивилизации).

Планета оказалась действительно необитаема. Все дело было в том, что назад на корабль они никак попасть не могли, это был билет в один конец, все это прекрасно понимали, и сами те космонавты тоже. Покинуть атмосферу планеты, ее силу притяжения не так-то просто. Это был осознанный шаг. Через два дня одного из космонавтов задрал медведь, а второй заразился древним вирусом бубонной чумы. Если встречу с дикими животными все могли предвидеть, то о чуме и думать забыли. Пока рассчитывали, как спустить бедолаге антибиотики, тот умер. Больше на Гею никто не спускался.

Помню, как мама с папой ссорились на кухне. Мы были гражданами России, и все ученые, живущие в других странах, обязаны были вернуться на родину для разработки несчастного двигателя. Это был один из первых законов от нового президента Яна Яковлевича Ежова. Папа не хотел возвращаться, потому что не хотел быть причастным к войне, а другие страны давали ему возможность заниматься и иными разработками и спонсировали его научные бзики. На самом деле, папа уже давно придумал этот самый двигатель, точнее расчеты для его создания, не вязалась лишь одна деталь. А потом, когда он показывал мне фокус, его осенило, и пазл в

его голове был полностью собран.

Папа жег в жестяном ведре кипу бумажек с теми самыми расчетами, а мама кричала что-то о том, что они уже все знают, что следят за ним, и что он и пукнуть не сможет без их ведома, что надо снова переезжать, только вот куда? Я лежала в своей кроватке и думала о том, кто же это такие «они».

Конечно, в четыре года я вообще не понимала что происходит, Гея, висящая на небе — голубая, огромная, была для меня обычным делом, папа гений был для меня обычным делом, жизнь на отшибах мира из-за секретности была для меня обычным делом. Я не осознавала грядущих перемен.

И тут в дверь постучали, это был еврейский мужчина, работавший с папой, я узнала его по голосу. А потом мама забежала в мою комнату, схватила меня на руки, и мы все вместе выбежали из дома. Мама шептала мне на ухо «не бойся, малыш, все будет хорошо», она повторяла это как мантру. А я плакала, потому что на кровати остался мой родной плюшевый мишка, он был для меня самой большой потерей.

Мы сбежали в Иорданию, но всевидящие «они» достали нас и там. Мама случайно погибла под обстрелом, а папу и меня вернули в Россию. Там с папой провели разъяснительную беседу, и дали понять, что сотрудничество даст ему все, о чем он и помечтать еще не успел. В противном случае, напомнили, что у него есть дочь, и он только что лишился жены, не стоит лишаться еще и дочери. Тяжелые времена, тяжелые решения. Папа никогда не был бойцом, и под давлением

расклеился. К тому же ему дали повод морально оправдать свое прямое участие в Ледяной войне.

У нас началась совершенно другая жизнь. Мы жили при институте «Роскосмоса» со всеми возможными привилегиями. Папа с головой ушел в работу, и со мной круглосуточно была няня, у нее было красивое имя Виталина, все звали ее просто Вита, и я тоже, от «тёти» она наотрез отказывалась. Она и подарила мне нового медведя. Вита заменила мне маму, спустя некоторое время они с папой даже поженились.

По папиным расчетам не просто сконструировали двигатель для космического корабля, его открытие изменило всю энергетику нашей планеты. Открытие заключалось в том, что ему удалось достичь выделения огромного количества энергии, не допуская излучения радиации, которая удерживалась внутри ядерного реактора. У меня всегда были проблемы с физикой, и элементарный фокус с наэлектризованным карандашом и волосами вызывал во мне бурю восторга. Я понимаю лишь, что мой папа сделал волшебство, но каким образом, я не понимаю до сих пор, мой мозг иного склада.

На основе его открытия перекроили всю энергетическую систему, и теперь в России за электричество никто не платил, достаточно лишь было купить установку, что-то типа генератора. Он не требует подпитки и заправки, так как питается своим же продуктом распада, выдавая новую энергию. Замкнутый круг. Открытию конечно дали фамилию отца, называется он Эффект Орлова. Теперь слова «Орловские

скакуны» ассоциируются с космическими кораблями с реактором Орлова, а не с прекрасными животными.

Прошло двадцать с лишним лет, а медвежонок все был чужим. Я работала волонтером при онкологическом центре имени Блохина, и сейчас без сожаления положила медвежонка в контейнер с игрушками, который присылал сюда Красный Крест. Возможно, какому-то малышу больному раком этот медведь станет родным.

3

«Экстра»

Ваш мозг может все.

Абсолютно все. Главное, убедить себя в этом.

Руки не знают, что они не умеют отжиматься,

ноги не знают, что они слабые,

живот не знает, что он сплошной жир.

Это знает ваш мозг.

Убедив себя в том, что вы можете все,

вы сможете действительно все.

Роберт Кийосаки

Я любила работать ночью, все спали, было тихо, и моей работе никто не мешал. Официально в онкологическом центре я была волонтером для «грязных работ», помыть лежащего пациента, помочь одеться, поменять утки, и так далее, делать то, на что не хватает санитарок и сестер.

Разговаривать с пациентами о болезни и пытаться поддержать их мне было запрещено, как и другим волонтерам. Психологическую помощь могли оказывать только психологи, потому что благими намерениями вымощена дорожка в ад. Те, кто искренне хотел помочь и морально поддержать, могли неосознанно склонить больного к самоубийству, или родных к помощи в эвтаназии, или дать надежду там, где ее

нет. Такое уже случалось не раз, поэтому правила были предельно четкими. Я не была исключением, и держала рот на замке.

Волонтерством я занималась для прикрытия своей основной деятельности — я лечила людей, хотя не была врачом. Я была, и остаюсь тем, кого люди привыкли называть экстрасенсами. Сама я ни в какие «экстра» не верю. Каждый человек при желании может быть экстрасенсом, просто никто нам об этом не рассказывает.

Иметь «сверхсилы» это как иметь талант, его можно просто развить. Все эти силы изначально заложены в нас, как настройки по умолчанию, только вот инструкция по применению к человеку, к сожалению, не прилагается, а мозг свой мы изучили всего лишь на десять процентов. Хотя в этих десяти процентах я очень сомневаюсь. Папа часто говорил, что совершенно все можно объяснить с точки зрения математики. Так вот, чтобы вычислить этот процент, нужно знать полное значение, то есть все сто процентов. Знаем ли мы их? Нет. Но процент вычислили, молодцы.

Наш мозг это неподдающийся никакому воображению механизм, ни один из ныне созданных новейших квантовых компьютеров и рядом с ним не валялся. Наш мозг настолько уникален, что мы и представить не можем, где именно заканчиваются его возможности, и чем мы ограничены, где эти сто процентов. Мы ограничены лишь *своими убеждениями* в том, что возможно, а что нет, что такое реальность,

что такое норма.

Когда-то люди считали, что Земля плоская, и стоит на трех слонах, а беднягу Джордано Бруно сожгли на костре за то, что он пытался опровергнуть это. Круглая Земля? Невозможно. Электрическая лампочка? Фантастика. Самолеты, подводные лодки, антибиотики? Бред сумасшедшего! Плоская Земля, свечи, повозки с лошадьми, лодки и чумной доктор — вот норма и край возможностей. Сто процентов. Сейчас все это кажется смешным и жутким. Сколько должно пройти лет, чтобы мы начали смеяться над всей нынешней магией?

Я с уверенностью могу сказать, что все «экстра» и есть норма для нашего безграничного мозга. Мое «экстра» это целительство. Я могу вылечить любую болезнь и при любой степени тяжести, но вылечить могу не каждого. Как ни странно, плохие вещи должны случаться, и некоторые люди должны болеть и умирать. Осознание этого далось мне очень тяжело. Папа умер десять лет назад от обширного инфаркта. Это не случилось внезапно, его сердце несколько лет лечили лучшие умы планеты. И я тоже лечила. У меня не получалось, но я очень старалась.

Я хорошо помню момент, когда ко мне пришло Знание, что всех не спасти, более того, что всех и не надо спасать. Я была молода, благодаря отцу передо мной были открыты все дороги и возможности, и я всем этим с удовольствием пользовалась. У папы барахлит сердце, его лечат, ничего страш-

ного, думала я. А потом его врач меня напугал, и рассказал о том, что рано или поздно произойдет худшее, и мне к этому нужно быть готовой. Я улыбнулась врачу и пошла в комнату к отцу, ему дали успокоительное и он дремал в постели.

Помню, как я села на стул рядом с кроватью, закрыла глаза и положила руки на колени ладонями вверх. Дальше, в руках должны были загореться два красных шара, такие ощущения, визуальное этого конечно нет. А потом я видела место, в котором поселилась болезнь темным пятном. Дальше я располагала руки над этим больным местом, и красные шары впитывали в себя темное пятно. Эта энергия ощущается как поток воды, как если подставить руку под открытый кран. Такие ощущения. Энергия не входит в меня, она входит в красные шары, и когда они полностью поглотят темное пятно, ощущение потока исчезает, и шары тоже.

Тогда я сидела рядом с папой, а шары в руках никак не появлялись. Я сидела и силилась, пыталась вызвать их силой разума, а что, ведь не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Как я ни старалась, шары не появлялись. Где-то рядом с моей головой назойливой мушкой летала мысль — Знание того, что папа должен умереть. Никаких зачем и почему, он просто должен умереть, таков его путь, и ни я, и ни кто-либо другой не смогут помешать этому.

В смерти нет ничего злого, она просто есть. Так же как и в жизни нет ничего доброго, она так же просто есть. И жизнь, и смерть это данность. Тогда краем ума я понимала это, но

принять не могла. Я привыкла к тому, что никаких ограничений в моей жизни не было, и я получала все, что хотела. Только жизнь не купишь ни за какие деньги, и даже «экстра» имеет ограничение. Долгое время я не могла принять то, что не была всесильной, я ходила на могилу к отцу и пыталась понять, почему же я не смогла его вылечить, ведь он был первый такой.

Однажды, возвращаясь с кладбища домой, я заметила одного мужчину, точнее его заметили мои руки. Я шла по аллее между рядами могил и смотрела себе под ноги, руки были в карманах куртки, и вдруг они загорелись, я ощутила в них красные шары. Я остановилась, потому что для меня это было ново, раньше мои руки сами собой не находили себе «жертву». Я огляделась вокруг и увидела того мужчину, он сидел прямо на земле и прощался с похороненной три года назад женой. Говорил, что больше не придет к ней на могилу, и что скоро они встретятся в другом мире. Мужчина не сказал вслух ни одного слова, все это пришло ко мне в голову таким же Знанием. Еще я знала, что у него рак легких на последней стадии, я видела темное пятно.

Руки сами собой поднялись, и я начала ощущать этот поток вытягиваемого пятна красными шарами. Мужчина сидел от меня довольно далеко, но расстояние в тот момент не было помехой. Когда человека можно и нужно вылечить, то помехи исчезают сами собой. Но тут, откуда ни возьмись, налетел удар, я даже не поняла, что происходит. Я в две секун-

ды пришла в себя от второго удара, и увидела злобную старушку, она била меня своей тростью по вытянутым рукам.

— Ведьма! Сука проклятая! — бабка орала во всю глотку, — сдохни лярва! Стоишь тут колдуешь, впитываешь могильных духов! Пошла отсюда! Лююююдиии! Вееедьмаааа! Пошла отсюда! Сдохни лярва!

Я так растерялась, что у меня дар речи пропал. Я развернулась и пулей рванула к воротам кладбища. Немного придя в себя, я взглянула на ситуацию глазами бабки, и пришла к выводу, что и сама подумала бы, что кто-то колдует. Суеверие неотъемлемая часть человека, и все, что мы не можем объяснить, мы списываем на магию. Тогда я поняла, что не надо кричать на каждом шагу о том, что я могу лечить, не все поймут.

Выйдя за ворота кладбища я медленно шла и обдумывала это, как вдруг руки снова загорелись. Я затылком почуяла того мужчину, он обогнал меня и сел в машину. Недолго думая, я села в свою машину и поехала за ним. Не могу объяснить, что меня вело, мне просто надо было его вылечить. И только в процессе слежки за ним я приняла это Знание — лечить надо тех, на кого горят руки, если они не горят, то человек должен умереть. В тот момент я смирилась со смертью, она не зло, она просто есть.

Мужчина приехал в онкологический центр имени Блохина. Я пошла за ним, но внутрь корпуса пройти не смогла, там был вход только по пропускам. Я села на кресло в коридоре

с каким-то разбитым опустошением. Почему для меня дверь закрыта? Ведь я должна вылечить этого мужчину! Не находя ответа, я без единой мысли в голове уставилась на стену напротив себя, там был красочный плакат приглашающий волонтеров. И тут пришло Знание — я на своем месте, именно здесь я и должна быть.

Прошло десять лет, так много страшного я увидела в этом онкологическом центре. Так много боли и страданий, так много равнодушия и нетерпения, усталости, даже злобы, не пациентов, а посетителей, и не на врачей, а на самих больных. Боль оголяет человеческое дно, даже сострадание может начать гнить. Но еще, я увидела и много побед и счастья, надежды, столько силы и храбрости, что на поле боя можно выходить. Хотя, весь этот центр и есть поле боя.

Много лет спустя я пойму, что жизнь это огромный пазл, и каждая его частичка должна встать на свое место, сплестись воедино, и только тогда рисунок будет правильным. В этот центр меня привел один кусочек пазла, работая в нем, я найду и другие.

4

Вита

Спаси себя, и вокруг тебя спасутся тысячи.

Серафим Саровский

После смерти папы изменилась не только моя жизнь, но и я сама. Кровных родственников у меня не осталось, так как ни у мамы, ни у папы не было братьев или сестер, а остальные их родственники к тому моменту уже все умерли. Мы с Витой остались вдвоем. Чужая тетя стала мне мамой, иногда я задумываюсь о том, каким человеком я стала бы, если бы меня воспитывала не она. Наверное, таким же, как и многие — бездушным.

С появлением Геи люди всех стран и их принципы изменились. Все жили как в последний день. Никто не знает, откуда прилетела Гея, почему как у себя дома она уселась на нашу орбиту, и почему мы еще не столкнулись. Совершенно все, что было связано с Геей, создавало лишь вопросы, на которые не было ответов. В любой момент эта такая родная и красивая с виду планета могла выкинуть что угодно. Так как она сломала наше понимание физики и многих ее законов, Гея была непредсказуема, никто не мог выдвинуть даже предположений о том, что будет с этой планетой завтра.

Первые годы после ее появления был хаос, никто не был к такому готов. У многих стран есть разработанные алгоритмы действий на любые случаи жизни: голод, война, потоп, эпидемии, терроризм, взрывы супервулканов, восстание «чудовищ Франкенштейна», и что угодно еще, прибытие инопланетян и война с ними. Алгоритмы есть на все, даже на самые бредовые возможные обстоятельства. Но такого никто предвидеть не мог, а потому все решали проблемы по мере их поступления, импровизировали.

Вита внесла большой вклад в меня как в человека, она научила меня таким вещам, о которых сейчас думают немногие. На сегодняшний день мы живем в соседстве с Геей уже двадцать четыре года, и за это время наши планеты не сблизились и не разошлись ни на миллиметр, мы по-прежнему не ощущаем никаких сбоев в работе Земли, и, в общем-то, физически Гея совершенно ничего не изменила в нашей жизни. Это давало хоть какую-то, да уверенность в завтрашнем дне. Однако так думала лишь малая часть людей, они-то и пытались сохранить нашу планету.

Многие всемирные организации развалились уже в первый год прибытия Геи, потому что каждый день все ждали апокалипсиса, к чему сохранять планету, которой остались считанные дни? Загрязнение водоемов, а в итоге и мирового океана резко возросло. Многие люди бросили работу, и пошли проживать последние дни в свое удовольствие, вследствие этого останавливалось все больше производств, и по-

явился дефицит многих товаров. Фармацевтические компании пострадали первыми, зачем лечиться, когда мы все не сегодня-завтра умрем?

Первое время были перебои с электроэнергией и очистными сооружениями, а для больших городов это может грозить эпидемией. Спустя четыре месяца в России начали восстанавливать спокойствие, а потом и производства. Гея не давала никаких побочных действий своим присутствием, и люди немного расслабились, отошли от первого шока и начинали привыкать жить в ежедневном страхе. В нем живут и по сей день.

Вита была вольным волонтером, и помогала там, где могла, государство выдавало таким людям пособие в виде талонов на еду и одежду, и предоставляло жилье. С одной организацией она ездила по странам третьего мира и оказывала элементарную медицинскую помощь. С другой тушила пожары в Сибири. С третьей расчищала водоемы. Она была везде, где могла помочь, и работала, пока хватало сил. Эта работа очень тяжелая, ее способны выполнять те, кто изнутри переполнен Любовью. Любовью ко всему: к себе, к ближнему, к Земле, к животному, к дереву, к воздуху, которым дышишь. Вита научила Любить и меня.

Ко мне ее привела болезнь, у Виты был тяжелый бронхит, и работать она не могла. А после выздоровления ей предложили физически передохнуть и поработать няней у Орлова.

— Тогда эта фамилия вызывала у людей благоговейный

трепет, — рассказывала Вита, — и мне, конечно же, хотелось быть причастной к этому чуду, к такому нереальному прорыву. Я понимала, что буду всего лишь присматривать за дочерью гения, и не буду иметь к нему никакого отношения, но все же мне казалось это очень заманчивым.

— А потом папа тебя разочаровал, — со смехом констатировала я.

— Не то чтобы разочаровал, я просто забыла, что он такой же человек, как и все остальные. От него так же воняет, если он не моется, он, как и все хочет есть, и ходит в туалет. А я была молодая и влюбленная в тех, кто творит науку, я просто никогда не встречалась с такими людьми, и в моих представлениях все было совсем иначе. Ну ты понимаешь, принцессы ведь не какают, — с улыбкой добавила Вита, — если бы не ты, я бы точно не задержалась в вашей семье. Я бы сбежала куда-нибудь в Сомали, лечить негритянских деток.

Но она осталась лечить меня и себя. Любовь лучшее лекарство. У меня не было мамы, да и папу я видела редко. Вокруг меня всегда были какие-то люди, но только не те, с которыми я выросла. Не те, кто знал, какие сказки я люблю, и что я люблю клубничную зубную пасту, и вареники с капустой, большой шарообразный кактус с длинными иголками, и рассматривать звезды, лежа на крыше дома. В израильской пустыне звездное небо было бездонным, а в Москве лишь крошками с барского стола. Никому не были интересны все эти вещи, лучше чем я, жили, наверное, только дочери оли-

гархов, поэтому мало кто думал о моем душевном состоянии. Главное, чтобы я была накормлена и тепло одета.

Всем этим с первых же дней начала интересоваться Вита. В ней было что-то такое притягательное, что-то такое теплое и комфортное, что к ней хотелось прикоснуться, и я сразу влипла в нее, как муха в сладкую вату. Позже я узнала, что это «что-то» и есть Любовь.

У Виты было бесплодие, и своих детей она иметь не могла, хотя очень хотела. Мне нужна была мама, а ей нужен был ребенок, и мы с первых дней, не сговариваясь, сплели друг с другом свои жизни.

Финансовой жилки у папы не было совсем, он знал, что государство обеспечит его до конца жизни, и думать о деньгах вообще не стоит. Он никогда не задавался мыслью о том, что будет со мной после его смерти. Лично я совершенно ничего для государства не сделала и никаких вкладов ни в одну его отрасль не внесла. Я была лишь приложением к папе, и для государства не имела никакой ценности. Папа не думал, что умрет так рано, да и кто вообще собирается умирать? Все думают, что будут жить чуть ли не вечно, а когда и умрут, то будут седыми дряхлыми стариками в окружении кучи внуков.

Вита и здесь пришла на помощь, без нее мы остались бы с голыми задницами. Отношения у них с папой завязались чуть ли не в первую неделю, и она заставляла его патентовать все, что выходит из его головы. Она нашла человека, кото-

рый занимался финансовой стороной папиных изобретений, благодаря этому мы никогда и ни в чем не будем нуждаться на ближайшие сто жизней.

Когда началось строительство первого космического корабля, папа часто уезжал в долгие командировки. Космодром «Восточный» был самым подходящим для этого местом, так как именно для этого и строился, а с появлением Геи был немного переоборудован, и только и ждал новаторов. Мы же с Витой на время моих школьных каникул уезжали по ее волонтерским делам. Это была папина идея, чтобы Вита брала меня с собой, я не знала цены деньгам, и он боялся, что я вырасту бестолковой девицей, у которой на уме одни развлечения, а работа очень способствует обратному.

Мне было тринадцать лет, когда Вита впервые взяла меня с собой. В Мьянме произошло очередное наводнение. То, что я тогда увидела, перевернуло мой мир. Дома стояли на метр в воде, дорог не было, электричества не было. Покупка энергоустановок, изобретенных моим отцом, и на которые перешли уже все мало-мальски обеспеченные страны, Мьянме были не по карману. Нет электричества — нет цивилизации. Запах стоял такой, что глаза слезились, пахло разлагающимися телами и нечистотами. По каналам, которые теперь были вместо дорог, плавали вздутые трупы и змеи.

После наводнения прошло уже несколько дней, но разгрести его последствия никто не собирался. Люди как могли, помогали себе сами, помогали соседям и знакомым. Никогда

в жизни я не видела такой людской сплоченности. Они поддерживали друг друга всеми силами, делились едой, водой и медикаментами.

Никто не собирался срываться с места и переезжать в другое, более спокойное поселение. Эти люди привыкли так жить, но при этом они не были несчастливы. Они воспринимали все в жизни, и саму жизнь иначе, во всем они старались увидеть плюсы, а не минусы, и радовались тому, что у них было, вместо того, чтобы плакать над тем, чего у них нет.

Вита ездила в затопленный поселок, а меня оставляла на суше, в пункте помощи. Я раздавала одеяла и одежду, средства личной гигиены, помогала в полевой кухне. Тогда я оценила воду, льющуюся из крана, да еще и горячую, и унитаз, наличие медикаментов, чистой воды и теплой постели. Мы пробыли там месяц, а потом у меня начался учебный год, и мы вернулись в Москву.

Первые дни пребывания там я не понимала, почему Вита ездит в такие места, зачем ей это надо, когда можно сидеть дома, в тепле и уюте?

— Надо помогать нуждающимся, — говорила Вита.

— Зачем? — никак не могла понять я.

— Просто потому, что могу.

Она всегда жила по этому принципу «делаю, просто потому, что могу сделать это».

— Ты добрая, всем помогаешь, и всем сострадаешь, даже тем, кто этого не заслуживает.

Вита рассмеялась.

— *Каждый* человек заслуживает любви и сострадания, вне зависимости от того, что он делает. Каждый человек рожден хорошим и добрым, кого-то жизненные обстоятельства меняют, кого-то нет. Если не воспринимать агрессию человека близко к сердцу, то можно увидеть, что ему просто больно. Булгаков когда-то сказал «нет злых людей, есть люди несчастливые». Могу с уверенностью сказать, что это истина. Когда человеку плохо и больно долгое время, то это накапливается в нем.

— А когда сосуд наполнен, то льется через край, помню.

— А куда и на кого польется то, что полилось, человек не контролирует.

— Разве тебя это не обижает? Ведь это нечестно, если ты просто под руку попала, а при этом еще и хотела помочь.

— Во мне хватает Любви не обижаться, потому что я знаю причину агрессии, ее вызвала не я, а значит, человек очень нуждается в помощи и Любви. Нельзя отвечать агрессией на агрессию, нужно отвечать только Любовью, иначе круговорот зла никогда не прекратиться. Насилие порождает большее насилие, а Любовь порождает Любовь.

— А если я не могу ответить Любовью, не умею, не научилась пока, что тогда делать?

— Ничего. Если ты не можешь ответить человеку Любовью, то лучше не отвечай никак. Неучастие во зле уже добро.

— Ты знаешь, что ты волшебница? — спросила я Виту,

прижимаясь к ее теплой, мягкой руке.

— Мы все волшебники, только нам об этом мало кто рассказывает.

Этот подход к жизни не делал Виту слабой или глупой, напротив, она была очень сильна и умна, доброта и сострадание делали ее такой. Она не была скучной или занудной, напротив, Вита веселый и эмоциональный человек, компанейский.

Вита все время говорила о таких вещах, о которых не говорили другие. Людей подобных ей я встречала лишь в тех местах, где мы бывали по ее волонтерским делам, и то, так думали не все, большинство воспринимало их работу как борьбу. Вита же, и такие люди как она делали все это из Любви, а не ради победы.

Мы живем в странное время, из-за Геи все живут как на действующем вулкане. Люди стали злыми и бездушными, живущими исключительно ради себя, утратили душевность. Вита говорит, что винить их в этом не стоит, и что придет момент, когда все изменится.

Прежним мир уже никогда не будет, он или умрет — мы сами истребим себя, нам не нужны для этого катаклизмы, или будет гораздо лучше, и Вита думает, что скорее случится второе, и Любовь спасет мир.

Мы уже дошли до той грани гниения, когда плод проще выбросить, чем очистить, но Вита все же уверена, что очищать нужно, пусть останется кусочек со спичечную головку,

но он останется живым и чистым.

Часто оглядываясь вокруг, я вижу, что люди живут как пауки в одной банке, и мне кажется, что мы не заслуживаем никакого спасения, нас надо добить, и покончить с этим неудавшимся экспериментом под названием человечество. Но на другую чашу весов становятся такие люди как Вита, их гораздо меньше, но они перевешивают. Есть такие люди, из-за которых человечество в целом заслуживает спасения, и на весах один хороший человек может перевесить тысячи плохих.

5

Никах²

*Люби меня тогда,
когда я меньше всего этого заслуживаю,
потому что в этот момент это то,
что мне больше всего необходимо.*

Шведская пословица

2044 год.

Хабиб

Сегодня день моей свадьбы, я уж и не думал, что это случится. На сегодняшний день я самый яркий и разыскиваемый террорист в двух мирах, и глава ИГИЛ³. Меня зовут Хабиб ибн Назри аль-Саид. Это имя знает каждая собака. Несмотря на то, что я могу иметь четырех жен, я не хотел иметь ни одной. С видом моей деятельности каждый человек в моем окружении находится в ежесекундной опасности. Жена должна делать мужа счастливым, а если она умрет, и это в

² Никах — заключение брака, свадьба (араб.)

³ Здесь и далее: ИГИЛ — международная исламская суннитская джихадистская террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

лучшем случае, то я не буду счастлив.

Однажды я решил для себя, что никогда не женюсь, хотя бы такую сентиментальность и мягкость я могу себе позволить. Мое нежелание жениться не одобрил никто, потому что, как и у любого мужчины у меня должен быть наследник, продолжение рода, и моей войны. Несмотря на это я стоял на своем.

Аллах тоже не согласился со мной, и послал мне Зáhру. Она живет в моем доме с десяти лет, месяц назад ей исполнилось пятнадцать. Казалось, она любила меня всегда, и несмотря ни на что, она любит меня просто за то, что я есть. В мире извечного противостояния и борьбы, ненависти и насилия, бесчеловечной жестокости она просто девочка, которая любит меня. Она всегда рада меня видеть, искренности и преданности в ее глазах может позавидовать даже собака. Наличие такой женщины в моей жизни делает меня счастливее многих, Аллах благословил меня. Сопротивляться глупо.

Захра беженка из Афганистана, как и я. Хотя не знаю, можно ли назвать меня беженцем, скорее нет. Моя семья жила в глухой деревне на северо-востоке Афганистана. Отца я не помню, он умер, когда мне было два года, я жил с матерью и двумя братьями, я был самым младшим. Политическая обстановка в стране была нестабильной, ИГИЛ пытался сместить действующее правительство и возглавить руковод-

ство государством. Они медленно просачивались в страну, агитировали, когда обстановка накалилась докрасна прилеле-тела Гея. Тогда, под общий шум и панику ИГИЛ развернул активные боевые действия, и сместил правительство меньше чем за две недели.

Недалеко от нашей деревни проходили бои, я тогда пас коз на равнине. Помню, как услышал взрывы и кинулся домой. Я даже переплыл реку в глубоком месте, лишь бы поскорее оказаться рядом с семьей. Хотя старший брат всегда говорил мне, что если я услышу взрывы, то мне нужно бежать со всех ног в противоположную сторону, найти укромное место и затаиться. И лишь когда будет тихо, можно возвращаться домой. Если дома не будет, то надо добраться до Файзабада, и с торговым автобусом уехать в Пешавар, там живет наш дядя, брат матери. Когда я услышал взрывы, все наставления брата вылетели из моей головы, мне было шесть лет и я хотел к маме.

Когда я прибежал, деревни уже не было. Руины домов были в огне, просмоленные соломенные крыши чадили черным дымом. ИГИЛовцы⁴ разграбляли дома, хотя никто здесь не жил богато, и красть у местного народа было нечего. В шуме хаоса я слышал крики выживших женщин, мне хотелось пойти и отыскать маму. Я брел, не разбирая дороги и спо-

⁴ Здесь и далее: ИГИЛ — международная исламская суннитская джихадистская террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

тыкаясь об останки чьих-то домов. Увиденное так потрясло меня, что я не мог даже плакать, я просто шел на звуки женских голосов.

Тут кто-то резко дернул меня за руку.

— В строй, — жестко приказал мне огромный мужчина с автоматом в руке, он ткнул им куда-то в сторону.

Когда я посмотрел вправо, то увидел всех оставшихся и выживших мужчин нашей деревни, их выставили в шеренгу. Среди них я увидел двух своих братьев, и остолбенел.

— В строй, я сказал! Шагай! — мужчина с автоматом пнул меня ногой в спину, и я распластался на земле.

Где-то позади себя я слышал женские голоса, мне показалось, что среди них я уловил и мамин голос. Я вскочил и во всю глотку заорал «мама, мама!». Боевик схватил меня за шиворот и швырнул по направлению строя как котенка. От падения я сильно ударился коленом, боль парализовала меня, и я не мог даже дышать, не то чтобы подняться. Краем глаза я видел, как к моему боевику подошел другой.

— Амин, он же ребенок, брось его, сам помрет через неделю.

Амин был страшный, у него был только один, левый глаз, на месте правого была пустая глазница, она притягивала меня, и я как заколдованный смотрел в эту пугающую пустоту. Правого уха у него тоже не было, и вниз к шее тянулся широкий застарелый шрам. Нос был сломан не один раз, и теперь представлял собой непонятную жирную гусеницу, пу-

стившую корни на его лице. Густая черная борода поблескивала сединой. На левой руке не было мизинца и безымянного пальца.

Из него шла такая непоколебимая энергия, что она могла бы сшибить с ног армию, это была злость. Цепной пес и то добрее. Я боялся его так, что у меня занемело горло. И тут позади него я увидел женщин, их как стадо овец гнали куда-то, среди них я увидел маму, она смотрела на моих братьев, стоявших в шеренге, меня она не видела, она плакала и что-то кричала. Я услышал выстрелы и обернулся, оставшихся мужчин нашей деревни расстреливали по одному.

Я увидел, как убили братьев. Как в замедленной съемке, одна пуля угодила в лоб Гайясу, среднему брату, пуля прошла над левой бровью, и вышла на затылке фонтаном крови и мозгов. Мама повалилась на землю и закричала, их надзиратель начал бить ее ногами и сыпал оскорблениями.

Тут один из боевиков назвал стрелявшего солдата мазилой, и слегка отпихнул его, прицелился в Салима, моего второго брата. Салим с Гайясом держались за руки пока были живы, но, когда Гайяса застрелили, Салим не выпустил его руки, и тело брата висело рядом с ним тряпичной куклой. Выстрел, и тело Салима завалилось вбок, и упало прямо на Гайяса.

— Вот так надо, прямо в яблочко! — хвастливо крикнул боевик.

Пуля прошла ровно между бровями Салима. Мужчины в

шеренге были для них живыми мишенями и развлечением. Они ставили деньги на точное попадание.

Какая-то женщина из толпы подняла маму на ноги, и тут она увидела меня. «Юсуф», прошептали одни ее губы. Мое настоящее имя Юсуф, Хабибом я стал позже. Мама была так близко, мне только бы добежать до нее. Я вскочил на ноги, и с криками «мама» рванул к ней. Клешня Амина тут же схватила меня за ворот рубахи, я не успел сделать и трех шагов.

— Хочешь к мамочке, пацан? — спросил меня Амин, ехидно улыбаясь. Я осторожно кивнул головой в знак согласия. — Сделаешь для меня кое-что, и я разрешу тебе пойти с ней. Ну как, сделаешь?

Я снова кивнул головой, и Амин сунул мне в руку пистолет. Не отпуская ворот моей рубахи, он подвел меня к шеренге, в ней оставался один живой мужчина, им был старый Али. Каждый день он читал мне и другим детям Коран после обеда, и всегда угощал покупными конфетами, которые иногда привозил ему дальний родственник. Он никогда не ел их сам, все сладости он отдавал детям.

— Убей его, и пойдешь к матери. — В голосе Амина был какой-то нездоровый, извращенный душок, от возбуждения у него даже мускулы заходили под рубахой. — Давай, пацан, мамочка ждет, она будет тобой гордиться.

В нетерпении Амин цокал одним ногтем об другой, этот звук затмил все остальные звуки, и теперь он заполнял мой мир.

Щелк-щелк-щелк.

Пистолет был таким тяжелым, что я не мог удерживать его в одной руке, и мне приходилось держать его обеими руками. Я смотрел на Али, он улыбался мне, как бы давая разрешение на убийство. Я видел, как шевелятся его губы, он читал шахаду⁵.

Щелк-щелк-щелк.

В шесть лет я не вполне понимал, что такое смерть, и что такое убийство. Я просто хотел к маме.

Щелк-щелк-щелк.

Я наконец расплакался, слезы градом текли по моим щекам, они застилали глаза, и Али расплывался передо мной. Я решил, что могу промахнуться и нажал на спусковой крючок. Мне показалось, что пистолет выстрелил в обратную сторону — в меня, потому что мою руку словно ударили с размаху, и я было завалился назад, но позади меня стоял Амин, и я уперся спиной в его мощные ноги.

Сквозь пелену слез я увидел, как Али медленно упал на землю, я попал ему куда-то в живот. Я стоял в оцепенении, не понимая, что я только что сделал, мне казалось, что все это просто сон, и мне нужно, очень нужно проснуться. Амин забрал у меня пистолет и подошел к Али, тот был еще жив. Амин без сожаления выстрелил ему в голову, а потом плюнул в лицо. За что они нас так ненавидят?

⁵ Шахада — свидетельство о вере в Единого Бога Аллаха. Перед смертью мусульманин должен произнести шахаду.

— Молодец пацан, твоя шлюха мамаша гордится тобой. Иди к ней, чего встал как вкопанный?

Амин улыбался и был доволен собой, он почти торжествовал. Я развернулся и огляделся вокруг. Все стояли и молча смотрели на меня. Я почувствовал, как что-то выпало через дырку в моем кармане, и посмотрел на землю. Это была конфета-леденец, которую вчера дал мне Али.

Я помню все это так, как будто это было вчера, все запахи, крики, распотрошенный труп моей деревни, тяжесть пистолета и первое ощущение отдачи при выстреле, лицо Али. Прошло много лет, но этот день я запомнил навсегда.

С мамой я пробыл недолго. Женщин отправляли на границу Ирака и Сирии, там кого-то оставляли прислуживать боевикам, кого-то продавали в рабство, кого-то отбирали в шахиды⁶.

Несколько часов мы ехали до границы Ирана, потом трое суток добирались в Ирак. Нас и пленных из других поселений согнали в грузовые контейнеры и наглухо запаляли их, потом контейнеры погрузили на поезд. В каждый контейнер давали два больших бака, один с водой, другой пустой, под туалет. Еды не дали никакой. В нашем контейнере было тридцать восемь человек, воздух поступал только через маленькие отверстия, просверленные в крыше контейнера.

⁶ Шахид — смертник, принявший мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха.

Помню, что было очень жарко, и очень хотелось есть. Глаза привыкли к темноте, и через несколько часов я почти отчетливо видел мамино лицо. Три дня казались бесконечными, никто не знал куда мы едем, и сколько еще придется пробыть в таких условиях.

Одна девушка была сильно ранена, и умерла спустя сутки пути. Уже через несколько часов запахло смертью и мертвым телом. Помню, что мама все время пыталась заставить меня заснуть, но мне было страшно спать, мне все время казалось, что дух умершей девушки вселится в меня, и я стану шайтаном⁷. Двое суток в полубреду, полусне, в раскаленной, наглухо запаянной железной коробке, с баком для отходов и мертвым телом. Мы пересекли на поезде весь Иран с востока на запад.

Помню, как свет резанул в глаза, когда контейнер наконец открыли, от этого появилось ощущение, что кто-то со всей дури ударил меня по вискам. Не дав опомниться, нас пересаживали в фургоны, обтянутые тканью, и повезли дальше. Мама сказала, что мы уже в Ираке, и теперь мы побываем за границей. Я никогда не покидал нашей деревни, не видел даже небольшого города, не видел многоэтажных домов. Я никогда не видел даже кровати.

Наш дом представлял собой одну комнату около двадцати метров. В ней была печь, где мама пекла хлеб и варила еду, и шкафчик с продуктами, еще был небольшой закуток

⁷ Шайтан — злой дух

отгороженный шторой, там была вода и таз для омовения. Все остальное пространство было разделено на три части и уложено тюфяками. В одной части мы ели, в другой спали, в третьей спали родители, а потом одна мама. Между тюфяками было два сундука, в одном были мамины вещи, во втором наши с братьями. На одной из стен висела полка, там лежал обернутый в полотенце Коран. Это все. Побывать за границей было чем-то нереальным, эта мысль даже не умещалась в моей голове. Несмотря на это в тот момент за граница меня не радовала.

Почти весь день мы ехали в фургонах, это куда лучше грузового контейнера, и к вечеру достигли пункта назначения. Там нам наконец дали поесть. Никогда не думал, что позавчерашний рис и покрытый плесенью хлеб могут быть такими вкусными.

Через некоторое время началась сортировка. Маме было двадцать семь лет, и если ее помыть и приодеть, то она была очень красивой. Ее купил работорговец сутенер из Турции, тем же вечером ее увезли. Обычно детей проституток продавали на органы для черного рынка, и меня ждала та же судьба. Амин не очень-то мне помог. Но у Аллаха, вероятно, были на меня другие планы.

Я лежал в бараке, в котором были отсортированы люди «на органы» и беззвучно плакал. Мне не было страшно или жалко себя, тогда я не понимал смысла того, что меня ждет. Я плакал потому, что мне нельзя было пойти с мамой, и она

сказала, что скорее всего мы с ней больше никогда не увидимся.

В этом бараке были те, кто не годился ни для продажи в секс индустрию по возрасту и внешним данным, ни для шахидов, так как имели другой склад характера. Мы были утилем. Боевикам разрешали на время брать любых женщин для ублажения себя. Я лежал на полу, боевики приходили и забирали тех женщин, что были помоложе, некоторые из них кричали и сопротивлялись, некоторые смирились со своей участью. Я же просто лежал на полу, и считал, что меня это не коснется. Я ошибался.

В барак зашел сухой старец, по крайней мере, тогда он показался мне очень старым. Он не был боевиком, я понял это по его одеждам, он был чьим-то слугой. Он выискивал глазами именно меня, здесь я был единственным мальчиком, да и вообще единственным ребенком.

— Вставай, пойдем со мной, я тебя покормлю и помою, — сказал он с добродушным лицом, но улыбка его была искусственной.

Я молча встал, я уже понял, что за любое сопротивление ты будешь жестоко избит, потому повиновался командам. Рядом со мной сидела старая толстая женщина, плотно завернутая в грязную и изодранную черную паранджу. Она посмотрела на старца с такой ненавистью, с которой не смотрела даже на боевиков, а потом плюнула в него.

— Да покарает тебя Аллах! — прошипела женщина, слов-

но змея. Она не кричала, ее ненависть была столь тяжела, что падала вниз и ползла по земле проклятиями, как черный дым. — Как ты можешь? Он же ребенок!

Женщина с тихой ненавистью продолжала сыпать проклятия, желая старцу умереть в муках, нищете и голоде. Старец видимо привык к такому, и не обращал на нее особого внимания. Он взял меня за руку и развернулся к выходу.

— Не проклинай, старая, это грех, — сказал он женщине через плечо, и мы вышли из барака.

Первый раз в своей жизни я не только увидел автомобиль, а и ехал в нем. Я подумал тогда, что все очень, очень плохо, но ведь есть некоторые хорошие моменты, пусть они и слишком скоротечны, но они есть. Я сидел в новенькой машине, на сиденье, обтянутом натуральной кожей, и мне захотелось пощупать эту кожу, погладить ее, ощутить какая она. Я провел ладонью по обивке кресла справа от себя, втайне, чтобы старец не увидел. Но он видел гораздо больше, чем мне казалось.

— Не трогай, поцарапаешь. Сиди смирно, — сказал он, не глядя на меня, и я покорно положил руки на колени.

Мне оставалось сидеть и вдыхать запах новой машины, он особенный, и ни с чем несравнимый.

Мы въехали на окраину города, я понял это по архитектуре зданий, и я с интересом смотрел в окно. Как только стоило мне отпустить свои страхи, и заинтересоваться видами, так они и закончились. Старец остановился возле высоких серых

ворот и просигналил. В заборе открылось окошко, из него выглянул охранник, увидел старца и тут же открыл ворота. Это был город в городе, так мне тогда показалось. Несколько мелких зданьиц и одно большое, многоэтажное, раньше здесь была гостиница. Теперь некоторые окна на первом этаже были разбиты, остальные зашторены или закрыты газетами. Здесь был один из временных штабов ИГИЛ.

Мы вошли в большое здание и поднялись на второй этаж. В коридоре мы столкнулись с низким и пухлым мужчиной лет пятидесяти, рубаха плотно обтягивала его круглый живот, под носом были черные густые усы. Лицо этого человека выражало скорбь, тогда я еще не знал, что это, и с интересом разглядывал его. Мужчина посмотрел на меня, и кивком головы спросил старца кто я такой.

— Афганский пленный, веду его сиду⁸ Парвизу, — с поклоном сказал старец.

Поклон был слишком учтив, при виде этого человека старец, кажется, стал еще меньше и суше. Его пробила мелкая дрожь, я почувствовал это, так как он держал меня за руку. Тогда я понял, что этот мужчина важная шишка. Усатый невольно слегка поджал нижнюю губу, это был жест неприязни и даже признания. Усатый со старцем смотрели друг на друга некоторое время, эта пауза затянулась, но старец не решался просто уйти, пока его не отпустили. Потом усатый коротко кивнул, вздернул подбородок и пошел дальше. Ру-

⁸ Сид (саид) (араб.) — господин

ка старца вспотела, и мне было неприятно за нее держаться, но, когда усатый ушел, старец перестал дрожать и выпустил мою руку.

— Прихоти Парвиза приведут меня в гиену, да простит меня Аллах, — буркнул себе под нос старец, вытирая лоб носовым платком, — пойдем, помоем тебя.

Мы зашли в одну из дверей почти в самом конце длинного коридора. В комнате был шкаф с резными дверцами и настоящая кровать. В другом конце комнаты была еще одна дверь, в нее мы и направлялись. Это была ванная. Али рассказывал нам, что в городах вода льется прямо из крана, тогда мне казалось это нереальным, а сейчас я стоял перед этим чудом света — краном. При мысли об Али в моей груди что-то сжалось, я не успел поразмыслить над этим, потому что в ванную вошла женщина в зеленом платке. Старец вышел, и мы с этой женщиной остались вдвоем.

— Как тебя зовут? — спросила она, снимая с меня рубаху.

— Юсуф.

— Хорошо. Давай, Юсуф, забирайся в ванну, мы тебя сейчас хорошенько отмоем, будешь как новенький.

Я послушно делал все, что мне говорила эта женщина, не задавая никаких вопросов. Она выглядела очень усталой. Было в ее глазах еще что-то, тогда я еще не знал, что это был взгляд человека, который смирился со своей судьбой, и которому больше нечего терять в этой жизни. Из таких людей выходят хорошие шахиды.

— Юсуф, тебя сейчас отведут к Парвизу, делай все, что он тебе скажет, а если он что-то спросит, говори «да, сид», хорошо? — я кивнул головой, — умница, так для тебя самого будет лучше.

После купания она одела меня в чистую одежду. Я был готов, правда я не знал к чему. Женщина посмотрела на меня с жалостью и вдруг поцеловала в лоб, обняв обеими ладонями за щеки, так делала и мама.

— Не сопротивляйся, ладно? Ну, иди.

Она открыла дверь комнаты и тут же отшатнулась от нее, в коридоре был усатый, и он направлялся именно сюда.

— Скажи Парвизу — в другой раз, пусть найдет себе другого бача-бази⁹, — сухо отрезал усатый, глядя на женщину, и та тут же кивнула головой и поклонилась. — Пойдем со мной, уверен, что ты хочешь есть, — обратился он уже ко мне, и протянул руку.

— Да сид, — эти слова сами вырвались из моего рта, и я взял его за руку.

Как ни странно, этот страшный человек спас меня не только от изнасилования Парвизом, он спас мне жизнь. Его звали Назри Рахим аль-Альмалику. Уже одно его имя говорит о

⁹ Бача-бази — дословный перевод с персидского языка «играть с мальчиками». Вид сексуального рабства и детской проституции, распространенного в основном в Афганистане и Пакистане. Мальчиков до 10 лет обучают эротическим танцам, красят и одевают в женскую одежду. Считается почетным держать при себе мальчика бача-бази.

том, что он самый главный.¹⁰ По воле Аллаха он столкнулся со мной и старцем в коридоре. По каре Аллаха в одном из боев неделю назад Назри потерял своего единственного сына. У него был еще один сын, но их взгляды на политическую обстановку расходились с отцом.

Он сбежал в Аргентину и пытался жить там тихой спокойной жизнью. У него было две жены и шестеро детей, все вместе они жили на отдаленном ранчо. Их тихая жизнь продлилась недолго. Спустя восемь месяцев их нашли и расстреляли, трупы раздели догола и повесили на заборе головой вниз. Это была демонстрация силы. Никто, даже его собственный сын не имеет права уйти, это служба длинной во всю жизнь.

Я оказался в нужном месте в нужное время, Назри увидел во мне возможность воспитать правильного сына, человека, которому можно будет передать правление. На это повлиял рассказ Амина о том, как я хладнокровно застрелил беспомощного старика. Амин был правой рукой Назри, иногда возглавлял операции, так как был диким зверем, и иной раз ему нужно было разорвать зубами чужую плоть, и вырвать легкие, а потом смотреть в глаза умирающему, наблюдать, как тело покидает жизнь. Амин, конечно, не знал, что двигало мною тогда, а я не сказал, и это пошло мне на руку. Два этих страшных человека и воспитали меня, вырастили из меня того, кто я есть. Я Саид — я господин.

С течением лет меня обучили не только убивать, но и за-

¹⁰ Альмалику (almailk) (араб.) — хозяин, владелец

ставлять убивать других, как когда-то это сделал Амин, обучили тактикам и целям, обучили управлять огромной империей под названием ИГИЛ.

Отец, Назри, умер пять лет назад от рака мозга, к сожалению не все можно купить за деньги. Тогда я стал во главе, но не все как один приняли мое лидерство. Тогда в моем доме появилась Захра. Она всегда была очень проницательной, и не по годам умной. Она попала в мое окружение так же, как когда-то получилось со мной. Кто-то пожалел ее и оставил в служанках. Пять лет она была у одного из доверенных мне людей, потом ее передали в мой дом.

В первый же день она принесла мне чай, хотя я ее об этом не просил. Все мое время было занято планами, я сидел во дворе и разрабатывал в уме стратегию по захвату новых территорий на Гее. Она поставила поднос с чаем на столик и посмотрела на меня своими изучающими черными глазами. Непозволительно для женщины, пусть и в десятилетнем возрасте. Мне хотелось отмахнуться от нее, как от мухи, чтобы она ушла и не мешала мне думать. А она вдруг приложила руку к сердцу и сказала:

— Сожалею о вашем отце, сид, я буду молиться о вас каждый день.

Потом поклонилась и ушла.

Ее слова были искренними, хотя сожалеть о смерти Назри может далеко не каждый. Он был тираном и хладнокровным, безжалостным убийцей. Он не получал от этого физического

удовольствия как Амин, но был не менее опасен. Когда он умер, многие вздохнули с облегчением, считая, что я буду не настолько жесток. Они ошибались.

Несмотря на все я любил и уважал Назри, и его потеря была для меня ударом. Показывать этого нельзя, погоревал день-другой и хватит, но боль от потери человека, который спас мне жизнь, заменил отца, и по-своему любил меня, не могла уняться еще долго. Захра уловила это своим проницательным взглядом.

Прошло пять лет, и все их она была рядом со мной, переживала все, поддерживала меня в самых разных ситуациях. Все это время я почти не разговаривал с ней, но она говорила что-то утешительное именно тогда, когда это было мне больше всего необходимо, как тогда, с чаем. Она знала все, всю изнанку нашей организации, все, что я делал, и все равно любила меня. И я знаю, что все эти пять лет она каждый день молилась обо мне, и будет делать это до конца своих дней. Против своей воли я полюбил ее, и сегодня я женюсь на этой девочке. Аллах, помоги мне сделать ее счастливой.

6

За Гею!

Много лет назад Юрий Гагарин полетел в космос.

Он умер молодым, ему было всего лишь 34 года.

Он был мировым героем, и думал, что теперь мир изменится.

*Он был уверен, что уже через 50 лет
мы точно будем любоваться
троичной звездной системой Альфа Центавры
из иллюминатора космического корабля для
туристов.*

Будем терраформировать Марс и жить на Луне.

Да и как могло быть иначе?

Ведь Гагарин открыл нам дверь в космос!

А мы закрыли эту дверь, и пошли делать Айфоны.

прости нас Юра...

2045 год.

Рома

— За Гею!

— За нее!

Дзыньк бокалами. Выпили.

Так всегда бывает, в конце вечеринки тосты идут уже о чем угодно, только не о причине торжества. Немного обидно, у меня ведь сегодня день рождения. Но это я переживу, главное то, что будет завтра, а именно приговор — полечу ли я на Гею.

В 2024 году был создан первый космический корабль с реактором Орлова. Как бы ни были засекречены расчеты по созданию реактора, их все же украли англичане и перепродали американцам, не забыв при этом изучить и оставить у себя всю информацию. Следом потянулась почти вся Европа. Корабли и космодромы строились в поте лица и в три смены. Наш, российский корабль все же стартовал первым, и через несколько часов был на орбите Геи.

Как бы человеку ни хотелось коснуться ногой поверхности другой планеты, он все же помнил горький опыт первой высадки. В спину дышал английский корабль, а за ним, вжимая педаль газа в пол, нагонял американский. У всех руки чесались приземлить (или пригейть?) корабли, но наш президент Ежов все же договорился для начала спустить последних роботов, новейшие тогда технологии, для разведки обстановки, и измерения излучений атмосферы на внутренних ее слоях.

Когда же роботы собрали все данные и были готовы к возвращению на корабль, они не смогли взлететь. Все почесали в затылках и решили не спешить, все равно уже корабли

всех политически важных стран сгрудились на орбите Геи, и заглядывали в нее как гадалки в кофейную чашку. Гадать никто не умел.

Пришли к решению, что челноки с роботами возможно были недостаточно мощными, что возможно сила тяжести на Гее меняется, ведь от этой планеты можно ждать чего угодно. Подумали и решили, что нужно попробовать спустить на нее полноценный корабль, но беспилотный. Все согласились. Тогда Ежов сказал, что надо бы скинуться на постройку корабля, раз теперь это стало достоянием всего человечества, а не отдельных стран. Никому идея не понравилась, но все согласились, подумали, что сначала туда надо добраться и выжить, а как будем жить дальше — разберемся по ходу пьесы.

В течение года все пристально наблюдали за поведением Геи как за взбалмошной девчонкой. Пытались спускать суда с различной мощностью, но ни одно из них так и не смогло покинуть атмосферу Геи. Она как черная вдова затягивала в свою паутину все больше и больше космических судов. Орлов вынес идею о построении космодрома на Гее с запуском ракетоносителей, как это было раньше, а не взлетать кораблю прямо с поверхности, как это было теперь.

Все снова почесали в затылках, на это нужны были добровольцы, ученые разных отраслей, медики, обычные работяги, и еще куча всяких специалистов. Это мог оказаться билет в один конец. Гею боялись, так как она не была обычной планетой. Многие думали, что она вообще рукотворный

механизм инопланетян из-за ее способности излучать свет и тепло, и удержанием их атмосферой, необходимые для поддержания жизни на планете. Несмотря на это добровольцев нашлось столько, что из них еще и выбирали. Сам Орлов хотел высаживаться на Гею, но он был слишком ценен, и Ежов его не пустил. По крайней мере, ходили такие слухи.

В течение следующего года подбирали и обучали людей, и в 2026 году наконец произошла первая высадка человека на Гею. Все эти два года параллельно шла политическая возня, мы как водится, не могли поделить шкуру неубитого медведя. В итоге поделили как есть. Так как планета была полной копией Земли, решили, что каждая страна просто займет свою территорию. И каждый подумал про себя «а там видно будет».

Следующие десять лет велись работы по постройкам космодромов — это не помогло. Дальше были годы исследований, ученые никак не могли понять, почему же Гея не хочет отпускать нас из своих объятий. Все попытки покинуть атмосферу Геи заканчивались неудачами. Несмотря на это все больше людей хотело бросить родную Землю к чертям собачьим и переселиться на Гею. Не важно, что это билет в один конец. Не важно, что завтра планета может сорваться с нашей орбиты и снова улететь в неведомые дали. Люди хотели хоть немного подышать чистым воздухом, попить кристальной воды прямо из озер, и поесть действительно экологически чистых продуктов, выращенных своими руками. Люди

Земли рисковый народ.

Уже перед смертью Орлов выдвинул еще одну, последнюю и безумную теорию. Еще Эйнштейн сказал, что безумно делать одно и то же, ожидая разных результатов. Мы пытались все больше нарастить мощностъ, а он предложил попробовать снизить ее до минимума. Его безумная теория оказалась верной, на Гею действовали иные законы физики, которые будут изучать даже наши внуки, и не факт, что на этом закончится.

К сожалению, Орлов так и не узнал результатов, и умер до первого эксперимента. В 2036 году первое судно наконец смогло покинуть атмосферу Геи. Получалось, что один и тот же корабль не может летать туда-сюда, и было два вида кораблей — взлетный (с Геи на Землю) и посадочный (с Земли на Гею), их так и называли. На орбите Геи были созданы космические станции, которые по совместительству служили портами, там производилась пересадка и смена кораблей.

За эти десять лет ученые порядочно изучили Гею, практически рассмотрели ее под микроскопом, и пришли к единоголасному выводу — Гея ничем не отличается от Земли. Они были настолько идентичны, что это поражало. Тектоника наших планет была одинаковой. Даже Чиксулуб — кратер от падения метеорита, который выкосил динозавров, был на своем месте. Более того, останки динозавров прилагались. Гея с нами уже давно, но она не перестает удивлять.

Итак, ученые объявили, что наши планеты одинаковы, и

началось Великое переселение, именно этот термин будет звучать в книгах по истории. На деле же переселение не было таким уж великим. Каждый год на Гею отправляли определенное количество людей, и большинство из них должны были обладать полезными навыками, даже обычные агрономы должны были быть профи, а не какими-нибудь пенсионерами огородниками.

В последние два года некоторые правила несколько упростили, и теперь у обычных людей, не имеющих высокой квалификации, появился шанс улететь на Гею. Дело оставалось за малым — пройти медосмотр. Как ни странно, так как Гея гораздо более экологична, чем Земля, наши организмы на ней вели себя не вполне нормально. Мы привыкли к шлаку и химии совершенно во всем, и наши организмы несколько эволюционировали и подстроились под внешнюю среду.

Это были мелочи, ни у кого не вырос хвост, или жабры, но многие не выдерживали большого количества кислорода в воздухе, не могли привыкнуть к местным сельскохозяйственным продуктам, и спустя пару месяцев возвращались домой. Переход должен быть плавным. Почти половина из первых поселенцев получили серьезные заболевания, и многие даже умерли. Именно поэтому медкомиссия была обязательной и жесткой.

Я всегда мечтал побывать на Гее, я не думал о том, чтобы перебраться туда жить навсегда, но побывать был просто обязан. Всю жизнь я смотрел на эту волшебную планету и

говорил ей: «мы обязательно увидимся».

Я обычный программист, ничего особого в этой жизни не достигший, но мама всегда меня поддерживала, подпитывала мое стремление к Гее. Она же втайне от меня подала документы на один из заводов на Гее, контракт всего лишь на год, и мою кандидатуру приняли. В течение последнего месяца я проходил медосмотр, и завтра мне наконец объявят вердикт. Сегодня я точно не смогу уснуть.

7

Смерть

Ева

Несколько дней назад мы с Витой вернулись из Конго, там была очередная вспышка холеры. Вообще в последние годы холера все чаще появляется по всему миру из-за сильного загрязнения водоемов. Мы пробыли там почти два месяца, и мне нетерпелось провести своих подопечных в онкологическом центре. По возвращении я должна была пройти обязательное медицинское обследование, чтобы иметь допуск к больным. Я знаю, что большая часть старых пациентов умерла, или разъехалась по домам на период ремиссии. Первым делом после долгих отлучек я шла в реанимацию и к тяжелым больным.

В коридоре на сестринском посту сидела неизменная Зинка. Мне иногда казалось, что тут она и живет. Она вечно работала за себя и за того парня, и всегда всех подменяла, когда не работала в три смены. Зинка из тех людей, что живут в кредит. Ей всегда были нужны все новинки, причем по всем областям. Она вечно покупала какие-то телевизоры и холодильники, телефоны, дорогие украшения и наряды, а потом все это продавалось и покупалось новое. Она умудря-

лась успевать ходить по салонам красоты и ездить по миру.

Зинка была вездесуща. Она жила в этом вечном круговороте потребительства и всех агитировала к такой жизни. Камнем на ее шее всегда висели три-четыре кредита, это минимум, она вечно жаловалась, но при этом считала такую жизнь нормой. Она очень боялась отстать от народа, и всегда говорила, что к такому образу жизни ее побуждает желание жить как белый человек.

А еще Зинка была ярым любителем всякой мистики и паранормальности, она знала наизусть все гороскопы, народные приметы и сонники, и мои «экстра» выявила в два счета. Когда это случилось, я просила ее не распространяться, а то сбегутся родственники больных, и будут на меня молиться, а это плохо, нельзя сеять надежду там, где ее нет, ведь не всех я могу вылечить. Сначала я думала, что это бесполезно, и уже через пять минут она раззвонит на всю Ивановскую о моих способностях. Я ошиблась, и Зинка, понимая ответственность, помалкивала.

Эта странная женщина средних лет была моей подругой. Сейчас она с широко открытыми глазами и приоткрытым ртом пялилась в очередной любовный роман. Это чтиво она глотала пачками, только страницы шелестели. Я постучала по стойке, чтобы привлечь ее внимание, Зинка нехотя подняла глаза, а потом улыбнулась, увидев меня.

— Ой, Ева, тут такая любовь, такая любовь, не могу! Я аж вспотела. Ты когда приехала? Чего не позвонила? Тут для

тебя новеньких полна больница. В двенадцатой все сменились, вторая реанимация тебя прям заждалась. И еще Аленка в пятом корпусе тебя очень ждет, у нее утром операция будет, а мамка ее, как всегда, забухала. Такие дела. Как там холерные негритосы?

Вот так она всегда разговаривала, сваливая все в одну кучу и перескакивая с одного на другое в долю секунды. Одним словом — Зинка.

— И я рада тебя видеть Зин. Негритосов вылечили, только один умер, и то скорее от рака кишечника. В реанимацию пойду прямо сейчас, а утром зайду к Аленке. Новые серьги? — кивнула я в сторону ее уха.

Про серьги я спросить была просто обязана, иначе кредит, взятый на их покупку, полетел псу под хвост. Зинка взяла зеркальце и начала себя рассматривать.

— Мне продавщица сказала, что рубины в розовой платине это прям мое. А я смотрюсь и думаю, наверное втюхала зараза, как думаешь?

— Думаю, что рубины для тебя это слишком, ты и так как мадагаскарский попугай.

— Ничего ты не понимаешь, женщина должна быть яркой и красивой, а не такой серой мышакой как ты.

Своим комментарием Зинка не хотела меня обидеть, она любя хотела меня приодеть и накрасить. Мне же было глубоко наплевать, что на мне надето, и как я вообще выгляжу. Если бы она хоть раз побывала в тайских джунглях, или в

кенийских саваннах, где при такой жаре и влажности с тебя вся косметика стекает в лифчик, она бы так не говорила. Это была наша извечная игра в подтрунивания, я ей говорила — пойди, умойся, а она мне — пойди, накрасься.

Зинка захлопнула книгу и потрясла ею перед моим лицом.

— Это твой престарелый кавалер мне притащил, жалко помер неделю назад, такие книги хорошие носил, где теперь их брать буду, не знаю.

— Чего это он мой кавалер? — спросила я, сразу поняв, кого она имеет в виду. — Тебе лишь бы мужика мне подогнать. Хоть бы одного здорового сосватала, так нет же, все больные, да еще и неизлечимо.

Я глянула на книгу, на обложке была нарисована идеальная блондинка с пятым размером груди и осиной талией, она сидела верхом на белом жеребце.

— А мне только сегодня конь снился, — сказала я, указывая на книгу, — прямо такой же, белый, только без принца.

— Ооой, — протянула Зинка, приложив обе ладони к щекам, — ну так это же как раз к свадьбе! Колись, ты что с собой негритенка привезла?

— Нет, больных мне и здесь хватает — улыбнулась я, — да я просто, к слову сказала, а ты уже замуж меня невесть за кого выдаешь.

— Невесть за кого, — перекривила меня Зинка, — сама не знаешь, что тебе надо, твои мужики все бестолковые, жениться никто из них не хочет.

— Ты так говоришь, как будто у меня целый гарем.

— А что, нет что ли?

— Ну так все они друзья, я же с ними не сплю.

— Вот и зря. Так хоть какой-то толк от них был бы.

— От них и так есть толк, они меня поддерживают и развлекают. Да и зачем мне вообще замуж выходить при такой жизни? Ты вот, когда мужа своего последний раз видела?

— Позавчера, кажется. Какая разница? Главное, что он у меня есть, и дети есть, которых я тоже хрен знает когда последний раз видела. Но и они есть, захочу — увижу. Ты же ведь так ребеночка хочешь, а для этого надо замуж выйти.

— Тебе лишь бы жить по правилам и социальным нормам, — Зинка в ответ неодобрительно фыркнула. — Чтобы завести ребенка не обязательно иметь мужа. А вообще, так страшно жить в наше время, и детей рожать тоже страшно, не знаешь, что завтра случится, и что Гея может выкинуть.

— Она двадцать четыре года ничего не выкидывает. С такими мыслями можно из дома не выходить, или в бункере закопаться и жить там как мокрица в погребе, и вообще забыть, как мир выглядит. Поверь мне Ева, дети всегда стоят того, чтобы их рожать, какие бы времена ни были.

Я пошла на обход, а Зинка снова нырнула в книжку. Я думала о ее словах, наверное, она права, и все всегда говорят, что живут в страшное время. Ведь и правда так, то война, то перестройка, то летающие планеты, сложно под это под-

строиться. Одно дело, когда отвечаешь только за себя, а когда есть ребенок, то уже к холерным негритятам не поедешь, и вообще больше себе не принадлежишь. Но с другой стороны, она конечно права, всегда в мире что-то будет случаться, а дети стоят того, чтобы их рожать.

Я ведь и здесь в основном бываю в детском корпусе, и всех, но особенно обреченных деток хочется залюбить до безмеры. Такие синюшные тонкие ручонки и желтые, ввалившиеся щечки. Хочется прижать к себе такого малыша, и умереть вместе с ним.

Я подошла ко второй реанимационной палате и оттолкнула от себя все эти мысли, что толку раздумывать над тем, чего нет. Сколько бы поклонников у меня не было, ни один не нравился мне достаточно сильно, чтобы я захотела выйти за него замуж. Я никого не любила так, чтобы появилось желание связать с этим человеком свою жизнь.

В палате было темно, только мониторы светились и издавали монотонные звуки, ночью так было всегда. Вот этот, что слева точно мой, потому что левая рука загорелась. Я подошла к койке и провела рукой над худеньким тельцем — темное пятно в голове, значит рак мозга. Пятнадцать-двадцать минут, и красный шар засосал темное пятно, малыш здоров. Я даже не стала рассматривать в темноте, кто это был, мальчик или девочка, без волос трудно разобрать. Да и какая собственно разница? Ребенок здоров, это самое главное. Я постояла в палате еще немного, всего четыре горящих монито-

ра, четыре человечка, больше руки не горели, и я вышла в коридор и пошла по этажам.

Вообще, то, что руки больше не горели, не означало, что остальные дети умрут, это означало лишь то, что именно я вылечить их не могу. И еще не у всех были неизлечимые болезни, Зинка часто просила полечить ей больную с похмелья голову. Просто я однажды решила, что не нужно разбазаривать свое умение на то, что может вылечить пара таблеток.

Я не заходила в каждую палату, я просто медленно проходила по коридорам, и когда руки загорались возле определенной двери, я в нее входила. Я прошла три этажа, ничего. На четвертом рука загорелась, и я вошла в палату, это было платное отделение, и здесь были VIP больные. Ужасно глупо звучит. В палате было трое. Больной малыш лежал на больничной койке, рядом, на раскладном кресле обессилев и свернувшись в клубок, как кошка, спала мама, а возле окна стояла Смерть. Мы с ней встречались уже не первый раз.

Смерть это просто бесформенный сгусток энергии, ее не видно, но если правильно настроить свой мозг и приглядеться, то она выглядит как воздух над костром, слегка вибрирует. В такие моменты как сейчас она ждет, почему, мне так и не удалось понять. Моя рука загорелась, значит, я могу вылечить человека, но внутри меня есть ощущение, что лечить его не надо, и Смерть как будто дает мне возможность выбора. Как бы ни был тяжел этот выбор, я Знаю, что лечить не надо.

Когда такое случилось впервые, я попробовала вылечить больного, и получилось, он выздоровел и покинул центр. Когда я рассказала об этом Вите, она пожалела меня, потому как это очень сложный выбор, но сказала, что поступила я неправильно.

— Ты вмешалась в чужую судьбу, не делай этого больше. Если за ним пришла Смерть, то он должен был умереть. Ты повлияла не только на его жизнь, но и на жизнь его окружающих. Наши судьбы predeterminedены и переплетены, но каким путем мы придем к пониманию чего-то важного, к жизненному уроку, никто не знает, даже Вселенная, она подстраивает планы под жизненные обстоятельства, а ты эти обстоятельства изменила. И теперь какой-то человек из его окружения, допустим Вася, будет страдать, потому что со смертью вылеченного тобой Пети, в жизни Васи должно было что-то поменяться. Ты эти перемены отменила, и сейчас Вселенная экстренно перекраивает планы. Добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Может это был серийный убийца, или типа того? Ты понимаешь?

— Понимаю, — медленно ответила я тогда, все еще обдумывая сказанное Витой, — но почему тогда у меня рука загорелась? Ведь было бы проще, если бы этого не было.

— Я не знаю. Возможно это твой личный урок от Вселенной. Может быть, она дает тебе такую большую власть и ответственность, чтобы посмотреть, сможешь ли ты с ней справиться, и использовать только тогда, когда это нужно.

— А как же мне узнать, нужно это именно сейчас или нет?

— Может быть, в этом и состоит твой урок. Или это твой дар от Вселенной.

После того разговора с Витой я решила, что она права, и что как бы ни было сложно — Смерть должна выигрывать. Хотя чужая жизнь, это совсем не игра. В любом случае, со Смертью мы встречались редко, и чаще мне не приходилось терзаться выбором. Но я решила для себя, что если мне нужно будет забрать у Смерти жизнь, то каким-то образом ко мне придет такое Знание. За много лет такого еще ни разу не случилось, и в этот раз я вышла из палаты, оставив малыша в руках Смерти.

Со временем пришло и принятие того, что дела обстоят именно так, и я уже давно не плакала до разрыва души над теми, кого мне спасти не удалось. Однако подобные ситуации меня угнетали, и я пошла к Зинке, мне хотелось, чтобы она отвлекла меня от этих мыслей своим стрекотанием и рассказами о покупке какой-нибудь очередной совершенно не нужной вещи, но Зинка спала, и я пошла к Алене.

Аленка — десятилетняя девочка с раком груди. Она всегда смеялась над тем, что у нее и грудь-то еще не выросла, но уже обзавелась раком. Два года назад она прошла агрессивное лечение и операцию, и казалось, поборолась болезнь, но некоторое время назад рак вернулся. Зинка обозвала ее мать алкашкой, но зря. Здесь больные то уезжали, то возвра-

щались, и я была знакома не только со многими пациентами, но и с их семьями.

С полной уверенностью я могу сказать, что когда болеет один человек, то болеет и вся семья. Семья, это понятие собирательное, ими не обязательно должны быть родственники. Семья — это те люди, которые любят больного, переживают за него, с работы бегут в больницу, из больницы на работу, неделями спят на стульях рядом с больным, и всячески пытаются поддержать его. По сути, все они живут его жизнью, а его жизнь — это страшная болезнь и ежеминутная борьба с ней, борьба за свою жизнь.

Психологи всегда советуют семье отдохнуть, поехать домой и поспать в кровати, помыться и поесть, в конце концов, сходить в кино или на свидание, но как-нибудь отвлечься от *чужой* болезни. Как бы человек ни был дорог, нужно принять тот факт, что эта болезнь чужая. Пациент устает от страха, от боли, от несбыточных надежд, и от собственной болезни, и он никак не может оставить все это за дверьми палаты, и на несколько часов уйти и отдохнуть. Больной ждет этого как раз от семьи, ждет чего-то положительного, чего-то отдаленного, не связанного с его болезнью, ждет эмоций, которые помогут настроиться ему на нужный лад.

Мы можем дать другому только то, что есть у нас внутри, все искусственное будет лишь искусственным. Но когда семья сама измотана до предела, то она может дать лишь усталость, вернуть больному его же болезнь. Именно этим зани-

малась Аленкина мама Ксюша. Она очень любит свою дочь, я это знаю, вижу в ее глазах, чувствую в ее холодных оцепенелых пальцах, когда она хватается ими за мою руку как за нить, связывающую ее с этим миром, и кричит одними губами «я больше не могу!!!».

Ксюша мать-одиночка, она работает на двух официальных работах, и по ночам на фрилансе делает макеты интернет сайтов. Лечение дочери обходится ей очень дорого, несмотря на то, что Аленка не ВИП больной. Японцы придумали новые лекарства от рака, они позволяют жить даже с агрессивными его формами, хотя все равно полностью не излечивают. Они обнародовали это в тот момент, когда Ежов объявил о папином открытии.

Так как Россия не стала делиться расчетами для реактора Орлова, половина планеты надула губы, и перестала делиться конфетами. Сейчас уже большинство товаров снова в обороте международной торговли с нами, но волшебные таблетки нам все же не продают. Люди вынуждены ехать в соседние страны, и покупать препараты там, но вывоз их в Россию имеет серьезное ограничение по количеству. Аленкина мама раз в две недели летает в Польшу за лекарствами для дочери.

Я знакома с Ксюшей два года, и за все это время она ни разу не выдохнула. Даже когда они с тортом и проводами (так заведено у нас в центре) покинули центр в первый раз, Ксюша не верила своему счастью. Она все ждала, что рак

вернется, и второй работы на всякий случай не бросила. Она устала так, что Аленка после курса химии выглядела лучше. На химию они ходили вместе, и рвало их вместе, у Ксюши даже лезли волосы. Это все нервное, с ней работал психолог, но не очень-то помог, потому что Ксюша не признавала проблемы, а раз проблемы нет, то и решать нечего. Она довела себя до нервного срыва и начала пить. Конечно алкашкой она не была, и «начала пить» это очень громко сказано. Но в моменты наибольшего нервного напряжения она напивалась до беспамятства.

Завтра Аленке удалят так и не успевшую вырасти грудь, точнее обе, операция назначена на семь утра. Я уверена, что сейчас Ксюша лежит где-нибудь пьяная в хлам, и не придет в больницу еще несколько дней. А ведь она так нужна будет маленькой Аленке, когда она отойдет от наркоза. Я не виню ее за это, да и можно ли вообще винить мать, за то, что она не может смириться со страшной болезнью своего ребенка? Зинка сходу осудила ее, даже не попытавшись понять. А мне кажется, что здесь нет правых и виновных, не суди, и не судим будешь.

Около пяти утра я зашла в палату к Аленке, она не спала, сидела и смотрела на пустые койки. Палата на четверых, когда я уезжала, здесь лежали три девочки, одну выписали, вторая лежала в реанимации, а третья несколько дней назад умерла. Аленку сюда заселили пока меня не было.

— Привет! — радостно сказала Алена, увидев меня.

— Привет малыш. Да ты тут одна, как королева, — я попыталась указать на плюс, хотя понимала, что пустые койки ее только пугают.

— Ага, в скором будущем лысая и страшная королева, у которой никогда не будет груди.

— Да брось ты, вырастешь иставишь себе силикон, будешь круче Памелы Андерсон. А волосы отрастут, ты же знаешь.

Я прочитала в ее глазах «если вырасту», но не стала ничего говорить, нам ведь нельзя вести такие беседы с больными. Я села к ней на кровать и обняла за худенькие плечи.

— Ты почему не спишь?

— У меня через несколько часов операция, не могу уснуть, и думала, что может мама придет.

— Она наверное работает.

— Угу.

Эта девочка уже не была маленькой, к сожалению такие болезни отнимают у детей детство, и заставляют очень рано взрослеть. Конечно она видела, что происходит с матерью, и к еще большему сожалению винила за это себя. Я научилась отстраняться от таких вещей, иначе уже сама бы крышей поехала. Здесь все больны, все устали, у всех нервы на пределе, многие умирают, многие продолжают жить с раком. Всем не поможешь, как ни старайся.

— Если мама не сможет прийти, я могу проводить тебя в операционную. Если хочешь конечно.

— Как всегда. И конечно хочу, — Аленка помолчала и прижалась головой к моему плечу. — Я очень рада, что ты вернулась.

Эта девочка меня *так* ждала, я знаю это, она все время у Зинки про меня спрашивала, и я изо всех сил пыталась вернуться пораньше, так как знала, что Ксюша не выдержит давления и уйдет в запой. Как бы я ни старалась отстраниться от *чужих* болезней и *чужих* детей, в тот момент я с трудом сдержала крик и слезы, это совсем не то, что сейчас нужно Аленке. Я поняла, что слишком сильно сжала ее ручонку, и отпустила. По одному этому единственному жесту она поняла, как сильно я ей сострадаю, и повторила:

— Я очень рада, что ты вернулась.

Я поцеловала ее в макушку, и, пытаясь сменить тему начала расспрашивать, чем она занималась. А потом сама рассказывала про Конго и холеру. Аленка спрашивала, видела ли я слонов и жирафов, в этот раз я не видела, но ей сказала, что они там прямо по деревне табунами гуляли. Так мы провели с ней несколько часов, пока не пришло время ехать в операционную.

Мы ждали лифт. Аленка лежала на каталке, а толстенная медсестра Вика недовольно смотрела на то, как Аленкина ручка держится за край моего рукава. Да, не я должна быть здесь, мне это и самой не особо нравится, но лучше так, чем совсем никак. Не осуждай, не осуждай, не осуждай, крутилось в моей голове. Кто ты Ева такая, чтобы ее судить? Ты

не была на ее месте, твой ребенок не лежал на этой каталке. И нечего вестись на неодобрительный фырк Вики!

Выдохни.

Хорошо.

— Ева?

— Что малыш?

— Мама наверное не придет... — сказала Аленка уже из лифта.

— Я дождусь тебя, даже не думай об этом.

Девочка улыбалась, медсестра неодобрительно закатывала глаза, а я стояла в растерянности, чувствуя себя виноватой за помощь.

Конь без пальто

*Мир без любви — все равно, что ветер за окном.
Ни потрогать его, ни вдохнуть.*

*Харуки Мураками
«Страна Чудес без Тормозов и Конец Света»*

Операция была с полным удалением грудных желез и лимфатических узлов, а значит, длилась около пяти часов. После бессонной ночи мне хотелось спать, но меня об этом никто не спрашивал, вне зависимости от моих желаний больным нужен был уход. В конце концов для того тут и есть волонтеры, чтобы дать возможность семье отдохнуть.

Из-за Ксюшиных срывов Аленка стала для меня чем-то большим, чем просто пациент, а это нехорошо. Нужно держать дистанцию. В желании отгородиться от своей привязанности к этой девочке я пошла во взрослый корпус, когда от рака умирают старики это выглядит чуть менее несправедливым. Старики меня любили, хотя они любили любое внимание.

Убрала, одного помыла, второго расчесала, третьему подстригла ногти, четвертого одела, еще кого-то помыла, и еще, снова подстригла ногти. С пятнадцатым обсудила сериал и

бестолковых внуков. У двадцатого отобрала заначку сигарет. Тридцатого стошнило, помогла и убрала. Еще кого-то помыла. Еще кого-то стошнило. Время пролетело быстро, пора идти в зал ожидания, скоро должны привезти Аленку. Если бы она умерла во время операции, мне бы уже сообщили.

Сегодня зал ожидания был полон. Уже два года здесь работала медицинская комиссия по отправке людей на Гею, потому что только здесь в одном медицинском учреждении находилось все нужное медицинское оборудование. В течение месяца они проводили различные тесты, проверяли все системы организма, и делали кучу всяких анализов. На Гею было попасть непросто. В конце месяца всем раздавали приговоры — полетишь или нет. Последние два дня месяца здесь было очень людно.

Я нашла свободное место в уголке и села. Вообще я могла бы подождать в любой ординаторской, меня спокойно пускали везде, так как я не была болтливой, не лезла с расспросами и жалобами, да и вообще никому особо не мешала. Но нахождение там, где тусуются настоящие врачи вызвало внутри меня какой-то дисбаланс. У меня появлялось желание примкнуть к этому обществу, в прошлом году мне даже захотелось пойти учиться на хирурга. Потом Вита меня отговорила от этой бредовой затеи. Мне было двадцать семь лет, училась бы я лет пятнадцать, и только к сорока с лишним годам я наконец-то стала бы настоящим хирургом. Я поняла, что меня заносит, и больше в ординаторских осо-

бо не задерживалась.

Я закрыла глаза и расслабилась. Когда Аленку вывезут из операционной кто-нибудь из медсестер мне позвонит, так что можно было даже заснуть. И вот, я сама не поняла, как провалилась в сон. Я была на каком-то лугу, он был настолько зеленый, что резал глаза. А потом из ниоткуда появился белый конь, который снился мне вчера. Из-за моего плеча вдруг вышла Зинка, и вот так же как сегодня ночью приложила ладони к щекам «ооой, ну так это же как раз к свадьбе!».

И тут я почувствовала, как загорелись руки, но это было совсем не так как обычно. Во сне я не чувствовала энергетических красных шаров в руках, сами мои руки горели, полностью кисти, сверху, снизу, каждый палец и даже ногти. В руках появилось ощущение притяжения, как будто меня магнитом куда-то тянуло, а именно к коню. Я подошла к нему и обняла его за шею, и мне стало так хорошо, как будто вот здесь я всю жизнь и должна была находиться, и все годы своей жизни искала именно это.

Я открыла глаза, прямо мне в лицо смотрел какой-то парень.

— Пожалуйста, отпустите меня, — просил он.

По его лицу было понятно, что он повторил эту фразу уже несколько раз. Я спросонья не сразу поняла, что ему от меня надо, и уставилась на него как на идиота.

— Моя рука, — он кинул на нее взгляд, — мне больно,

пожалуйста, отпустите меня.

Я посмотрела вниз и увидела, что вцепилась обеими руками в предплечье этого парня, у меня даже занемели пальцы, наверняка он не врал, и ему действительно было больно. В два счета я проснулась, отпустила руку парня и выпрямилась в кресле. Закрыла рот! Да, я валялась на кресле, полусидя, полулежа на этом парне, потому что ему видимо не посчастлило сесть рядом со мной. Я спала с открытым ртом, и почему-то вцепилась в его руку.

— Извините меня, я заснула, — смущенно сказала я, вытирая слюну с подбородка.

— Ничего, бывает, — с улыбкой ответил парень, потирая больную руку.

Я огляделась, зал ожидания был пуст, только мы вдвоем сидели в уголочке.

— А вы чего ждете? — спросила я, как нечто само собой разумеющееся, — все ведь уже разошлись.

— Мои документы не могут найти. Вы тоже летите на Гею?

— Нет, я здесь работаю, халат запачкала потому и сняла.

Я смотрела на этого парня, и мне становилось так хорошо, как во сне, это бесконечное чувство умиротворения. И вдруг снова Зинкин голос «ну так это же как раз к свадьбе». Ну дела! Это ведь мой муж! Не будущий, а вполне себе состоявшийся, как будто бы я с ним уже лет десять прожила. Я в такой ужасающей точности увидела то, что мы с этим парнем

семья, что мне ему даже и объяснять ничего не надо было! До такой степени это чувство было уже состоявшимся!

— Ева, — кричал кто-то на фоне, мне не хотелось отрываться, и я сделала вид, что не слышу, — Орлова! Ты что оглохла там!?

— Так вы Ева Орлова? Дочь самого Орлова?! — с трепетом в голосе спросил парень.

Я кивнула ему, и обернулась на зовущего.

— Фролову зашивают, скоро привезут.

Это была Лера, одна из операционных сестер, она подходила ко мне.

— Все нормально?

— Ага, без сучка, без задоринки. Выскребли всю.

— Спасибо Лер.

— А мамаша не объявилась?

— Нет. Она наверное работает.

— Ага, как же, — кинула Лера и ушла.

Я обернулась, и тут же натолкнулась на мужа, надо хоть спросить, как его зовут.

— Если вы не против, можно с вами поговорить? Давайте выпьем чего-нибудь? — с надеждой спросил он.

Я лично его конечно не интересовала, ему была интересна моя фамилия. Когда люди узнавали, что я «дочь самого Орлова», они чуть ли в штаны не кончали от любопытства. В них пробуждалось что-то крысиное, жадное, им хотелось хоть как-то коснуться человека, который изменил историю

всего человечества. Да, папа суперзвезда, и его тень всегда будет падать на меня, но я к этому привыкла.

— Извините, мне надо идти, у меня пациента сейчас привезут.

Я не стала дожидаться, что он ответит, и помчалась в послеоперационную палату к Аленке. Муж есть муж, куда он денется? Раз Вселенная свела нас один раз, да еще и таким неприличным для меня способом, то сведет и еще.

Когда я зашла в послеоперационную палату, Аленку как раз перекладывали на койку. Я видела, что она начала приходить в себя и села рядом с ней.

— Привет малыш, я рада тебя видеть.

— И я тебя, значит, я не умерла.

— Нет, ты живее всех живых, и операция прошла без проблем.

— Значит, у меня будут большие силиконовые сиськи?

— Без них вообще никак, — улыбнулась я.

Аленка закрыла глаза и снова провалилась в сон. Я просто сидела рядом с ней и гладила ее худенькую синюшную ручку.

Спустя пять минут в палату вошла Ксюша, совершенно трезвая, худющая, трясущаяся как осиновый лист. Нам обeim было стыдно, мне за то, что я сидела на её месте, а ей за то, что она на нем не была. Я улыбнулась ей, и Ксюша перестала труситься. Я кивком предложила ей подойти к дочери, а она как будто ждала разрешения, как дворовая собака, которую пригласили войти в дом. Ужасно глупая и неловкая

ситуация.

— Операция прошла успешно, все хорошо, — начала я рассказывать подошедшей Ксюше, — ее полностью вычистили, и она можно сказать здорова. Курс химии для острстки все равно, наверное, назначат, но это будет последний раз.

Я рассказывала это с облегчением и радостью, для безмерно уставшей и на грани нервного срыва матери эти новости должны были литься бальзамом на душу. А она открыла сумочку, достала оттуда пачку денег и протянула мне.

— Это за беспокойство, — тихо сказала она.

Мне показалось, что мои ноги превратились в железные сваи, и вся я остолбенела и опешила. Лицо покрылось испариной, меня всю пробила мелкая дрожь, и теперь осиновым листом тряслась я. Я могла ожидать чего угодно, но только не такого. Это было как появление Геи много лет назад «здрасьте, я ваша тетя», и все застыли в оглушающем безмолвии.

Лучше бы она меня избила, было бы не так больно.

— Не стоит, я обеспеченный человек, — выдавила я наконец из себя, и пулей вылетела из палаты.

Я просто шла вперед по коридору, не разбирая дороги. Эмоциональные кранчики были открыты на всю, и слезы извергались неуправляемым потоком. И в тот момент, когда мне показалось, что я вот-вот захлебнусь своей обидой, я внезапно воткнулась в мягкую Зинкину грудь. Широкие и теплые материнские ладони тут же обняли меня, и повели в сестринскую. Одна рука вытирала мне слезы, а вторая ловко

открывала припрятанную в ящике и уже початую бутылку, принесенную каким-то пациентом. Она не бегала вокруг меня и не кудахтала, она просто дарила мне свою Любовь, на это способны только матери и подруги.

Рома

Я лежал в постели с открытыми глазами и был готов вскочить в любую секунду, я ждал лишь сигнала будильника. Все внутри меня переворачивалось. «Я полечу на Гею, полечу на Гею, полечу на Гею, полечу на Гею» и так еще сто тысяч раз. Я был уверен, что пройду медосмотр, и ничто не помешает мне покинуть Землю. С самого детства я мечтал об этом, и вот теперь был виден свет в конце тоннеля, Гея была так близко!

Я слышал, что мама возится на кухне, она тоже не могла спать. Не дожидаясь сигнала будильника я встал с кровати и пошел на кухню. Пахнет корвалолом, наверное мама успокаивает нервы. Я подхватил ее на руки и закружил по кухне.

— Доброе утро, красавица! Как тебе спалось?

Уже много лет так я приветствовал маму по утрам. Услышал в каком-то фильме и ляпнул однажды, мама тогда засмеялась, а я люблю мамин смех, и так это к нам и привязалось. В прошлом году умер отец, и с того момента каждая мамина улыбка была для меня на вес золота.

— Хорошо спалось, снилось, как я провожаю тебя на кос-

мопорте.

Полеты хоть и были регулярными, но все равно еще не вошли в зевотную привычку, и воспринимались людьми как что-то из ряда вон выходящее. Так как теперь корабли взлетали прямо с поверхности Земли, для этого требовалась только взлетно-посадочная площадка, такие были сейчас у каждого крупного города, и назывались космопортами, космодромы же переоборудовались или вовсе закрывались. Внешне это походило на аэропорт, только помещения были меньше, а сами площадки масштабнее, там же были и ангары с космическими кораблями, они располагались под землей. Московский космопорт располагался между Калугой и Серпуховом. На всех космопортах были помещения для родственников — зал с рядами кресел и панорамными окнами с видами на взлетную площадку.

— Опустименя на пол и садись завтракать, мой космонавт должен быть сытым и крепким.

Для мамы все люди, летающие на Гею, были космонавтами, и не важно, что большинство из них были лишь пассажирами.

Я торопился, как будто боялся опоздать, хотя мог прийти в любое время в течение дня, не обязательно было приходить к открытию. Несмотря на это уже в восемь утра под дверьми одного из корпусов онкологического центра имени Блохина была толпа таких же, как я, хотя комиссия начинала работу в десять. Когда нас пропустили в зал ожидания, многие рассе-

лись по свободным местам. Я не мог сидеть, и наворачивал круги по залу.

Из окошка женский голос выкрикивал фамилии, подошедшему на руки выдавалась папка с результатами всех сделанных в течение месяца исследований. На одной из последних страниц было заключение, и самое важное — «годен», или «не годен». Все судорожно шелестели страницами, и по выражению лица можно было определить счастливчика.

— Тихонов, — выкрикнул из окошка женский голос, и я как на старте спринта, расталкивая соперников, рванул вперед.

— Тихонов Роман Сергеевич, — сказал я, подавая паспорт женщине-палачу.

Конечно, она не была палачом, и не выносила «приговоров», но была гонцом с вестями, и все эмоции присутствовавших лились на нее.

— Извините, у меня другой Тихонов, — с сожалением сказала она, и выкрикнула в окошко, — Тихонов Сергей Павлович.

Ей ответила тишина. Так бывало, что люди отказывались в последний момент, и не приходили. А были те, кто приходили вечером, а не жались здесь как сардины в банке. Такого, чтобы человек просто отошел в туалет или кафетерий, по утрам не могло быть в принципе. И женщина потянулась за папкой следующего человека.

— А может, поищите мою, раз я уже здесь, — с заискива-

ющей улыбочкой спросил я.

Я намеренно не забирал отданный ею свой паспорт. Она буркнула «ладно» и начала искать мою папку. Перерыла стопку, что лежала у нее на столе, потом встала и начала рыться в шкафу. Вероятно, боясь бунта в зале, она попросила кого-то поискать мою папку и вызвала следующего. Спустя двадцать минут я спросил у нее как успехи. Ответ был: «никак, сидите и ждите», и я в расстройстве стал искать, куда бы сесть.

В поисках свободного места я увидел девушку, она мирно спала, распластавшись по креслу. Вот это нервы, подумал я, так можно и проспать, когда назовут твою фамилию. Она склонила голову на плечо, рот был приоткрыт, и из него уже начинала течь слюна. Меня это так умилило, что я тихо рассмеялся. От нее веяло таким спокойствием, что мне захотелось сесть рядом с ней. Как только я это сделал, она как так и надо положила мне голову на плечо и поудобнее укладываясь, подмяла под себя мою руку.

Эта девушка была какой-то необычной, и я с интересом начал ее разглядывать. Было ощущение, что я ее уже где-то видел, но не мог вспомнить где. Но больше меня привлекало другое, в ней было что-то такое притягательное, что-то такое теплое и комфортное, что к ней хотелось прикоснуться. То, что шло из нее, делало ее красивой, хотя я бы не назвал ее таковой. Весь ее внешний облик был настолько непримечательным, что в другой ситуации я бы ее даже и не заметил.

У нее были светло-русые волосы, собранные в косу, светлая кожа, брови и ресницы в тон, на ней не было ни грамма косметики, а ей бы она не помешала. На ней была широкая серая юбка в пол и какая-то бесформенная светлая блузка с длинным рукавом в мелкий цветочек. На ногах были светло-салатовые медицинские сабо с нарисованными зайчиками, сейчас их носили не только врачи. Еще мне показалось, что у нее в волосах была засохшая рвота, и от нее немного пахло стариками и чужой мочой. Несмотря на все это она казалась мне очень красивой.

Я просидел возле нее час с лишним, за это время толпа рассосалась, и в зале оставалось лишь несколько человек. Спокойствие и безмятежность этой девушки передались мне, и я был бесконечно благодарен ей за это. Когда последний человек покинул зал, женщина-палач высунулась из окошка.

— Тихонов еще здесь? — она увидела меня и продолжила, — подождите еще, куда-то запропастились ваши документы, ищем.

И тут девушка вцепилась в меня обеими руками, она что-то бормотала про коня и какую-то Зинку. Мне было очень больно, казалось, что она оторвет от меня кусок плоти, и я попытался ее разбудить. Она открыла глаза, но еще видимо до конца не проснулась, и по-прежнему безжалостно впивалась в мою руку.

— Пожалуйста, отпустите меня, — попросил я.

Наверное, мое лицо выражало боль, потому что в моей голове крутилась только одна мысль — как бы не заплакать. Я видел, что девушка вроде бы начала просыпаться, и повторил:

— Моя рука, — я кинул на нее взгляд, — мне больно, пожалуйста, отпустите меня.

И тут она окончательно проснулась, выпустила мою руку и выпрямилась в кресле. Потом смущенно извинилась. Тут кто-то окрикнул ее по имени, и я понял, откуда я ее знаю.

Ее знал весь мир, ведь она дочка Федора Орлова! После его смерти многие журналы брали у нее интервью, где она рассказывала о жизни отца с другой, не научной стороны. Там она была накрашенная, и я помню, что она показалась мне довольно симпатичной. Вот уж не ожидал, что «дочь самого Орлова» будет спать у меня на плече с открытым ртом, пуская слюни!

Во мне зажглось дикое желание поговорить с ней, и я попытался пригласить ее выпить чего-нибудь. Но она заторопилась к какому-то пациенту и скрылась. Я остался ни с чем, но тут вспомнил причину, по которой я вообще здесь нахожусь и поплелся к окошку.

— Ждите, пока не нашли, — отрезала женщина-палач, и я уселся на место.

Прошло еще около часа, без этой волшебной девушки моя нервозность вернулась, и я сидел как на иголках.

— Тихонов! Нашли ваши документы, — крикнула жен-

щина-палач, и я подорвался с кресла.

Вот он, этот долгожданный момент, я судорожно перелистываю страницы, и на последней из них, в заключении вижу волшебное слово «годен».

Я порхал по ступеням как бабочка, сердце стучало в груди отбойным молотком, а с лица не сходила победоносная улыбка. Надо позвонить маме, она ведь тоже ждет. Пока я рылся в карманах в поисках телефона, в нос мне ударил запах свежей выпечки, и рот моментально наполнился слюной. Прямо передо мной был кафетерий. Утром мама впихнула в меня два блинчика, но из-за нервного напряжения есть мне не хотелось совершенно, а теперь меня одолел дикий голод, и я, ведомый волшебными ароматами, зашел в кафетерий. Про телефон я забыл тут же.

Накупив всякой всячины, я сел за столик. Запихивая в рот круассан, и попутно намазывая масло на еще горячую булочку, я увидел, как в кафетерий вошла Ева. С ней была пышная тетка в белом халате, разукрашенная как гвинейский папуас во время обряда. У нее в ушах красовались большие серьги с красными камнями, в глубокое декольте завалился огромный кулон, руки были усыпаны кольцами. Ева рядом с ней смотрелась еще более бесцветной.

— Ешь, давай. При мне! — говорила Еве папуаска, — а то я знаю тебя, положишь в карман, и будет там валяться, пока плесенью не покроется.

Папуаска вынула из коробочки сэндвич, и пихнула его Еве в рот.

— Светуль, и кофе еще налей, пожалуйста, большой стакан, — обратилась она к буфетчице, — и сахара насыпь побольше, а то эта коза так в обморок опять упадет от дефицита глюкозы.

— А ты с ней как с маленькой, — неодобрительно бросила буфетчица.

— Она здесь обо всех заботится, должен же кто-то позаботиться и о ней!

Светуля выдала кофе, и Ева послушно принялась его пить. Она заметила меня, и тихо что-то сказала папуаске. Та аж подскочила на стуле, но Ева дернула ее за рукав, и она уселась на место. Они о чем-то шептались несколько минут, и папуаска с загадочным видом скрылась.

Я решил, что это мой шанс поговорить с ней. Не успел я встать из-за стола, как Ева сама подсела ко мне.

— Ну что, прошел? — спросила она.

Вот так сразу мы перешли «на ты». Обращаться «на вы» было настолько неуместно, как будто мы были сто лет знакомы, и прошли вместе огонь, воду и медные трубы.

— Прошел!

— Поздравляю, молодец, получи медальку. Ну, спрашивай.

Я недоуменно уставился на нее.

— Ты хотел со мной поговорить. Уверена, что ты хотел

расспросить меня об отце — спрашивай.

Я даже есть перестал. Она казалась мне такой красивой! Хотя ничего красивого в ней не было. Но когда она оказывалась рядом, даже воздух менялся, все в ее присутствии преобразалось, и казалось светлее и ярче. Я напрочь забыл о папке, лежащей у меня в сумке с волшебным словом «годен», о маме, которая ждет моего звонка, об ароматной горячей булочке на моем подносе, и о профессоре Федоре Орлове.

— Нет. Я хочу поговорить о тебе.

Очень странная фраза из меня вырвалась, для самого себя неожиданная. Я понял, как это звучит, и тут же поправил:

— В смысле я хотел с тобой познакомиться, если ты не против.

— Много у тебя в жизни людей, которые бы говорили с тобой о тебе?¹¹ — Ева улыбнулась какой-то фантастически-обаятельной улыбкой, и в ту же секунду я понял, что влюбился. — Как тебя хоть зовут, конь?

— Конь?

— Не обращай внимания, — Ева сделала жест рукой, словно отмахнулась от какой-то пустячной мелочи, — Орлова Ева Федоровна, — сказала она напускным официальным тоном и протянула мне руку для рукопожатия.

— Тихонов Роман Сергеевич, — тем же тоном ответил я.

¹¹ Харуки Мураками, «Дэнс, Дэнс, Дэнс»

Не знаю сколько времени мы просидели в кафетерии, но мы успели выпить еще по литру кофе и съесть половину витрины кафе. Мы разговаривали обо всем на свете, перескакивая с одного на другое. Потом она рассказывала о волонтерских поездках, и о работе в этом центре, а я о Гее, и о том, как всю жизнь мечтал туда полететь. Было ощущение, что мы знакомы с детства, и в садике показывали друг другу писк. Я бы и сам не поверил, если бы мне сказали, что мы познакомились лишь пару часов назад.

Телефонный звонок раздался как гром среди ясного неба. Высветился мамин номер, и незнакомый мне человек на том конце провода сказал, что он врач, что у мамы был обширный инсульт и сейчас она находится в реанимации. Назвал адрес больницы.

— Что случилось? — испугано спросила Ева, — у тебя такое лицо!

— Это звонил врач, сказал, что у моей мамы был инсульт, и что она сейчас в реанимации.

Ева встала из-за стола и одним махом допила оставшийся кофе.

— Поехали, какая больница?

— Ты разве не на работе?

— Я волонтер, мне никто не платит, захотела, пришла, захотела, ушла. Поехали скорее.

Ева

В машине я включила радио, но его никто не слушал. Почему-то даже Ромина мать, которую я еще в глаза не видела, стала мне до ужаса родной, и я переживала за нее, как переживала бы за Виту.

— Когда ты улетаешь на Гею?

— Через четыре дня.

— Что будет, если ты не полетишь сейчас? Позже будет возможность улететь?

— Однозначно нет. Там небольшая компания, у них корабли летают четко по графику, раз в год.

Никто из нас не сказал этого вслух, но было понятно, что если дела будут плохи, то никуда он не полетит, и его мечта может так и остаться мечтой.

Больница находилась недалеко, и мы доехали без пробок. В тяжелую реанимационную палату не пускали даже родственников, но мне очень нужно было туда попасть, возможно, я смогла бы вылечить будущую свекровь. Днем в больнице было шумно, а я не привыкла работать в такой обстановке, мне нужен был покой, тогда я смогла бы почувствовать и через дверь, хотя, в палате были и другие больные, неизвестно кого именно я бы почувствовала.

Пока Рома разговаривал с врачом, я позвонила Зинке, у нее была куча знакомых по всем больницам Москвы. Зинка не подвела, одна ее приятельница была реанимационной сестрой, и сейчас как раз была на смене.

Рома рвался к матери, но я пыталась его отговорить.

— Послушай, тебе не стоит этого видеть, я знаю, о чем говорю, я уже десять лет работаю в больнице. Она там лежит на койке голая, накрытая простыней, подключена к мониторам, из нее торчат трубки капельниц, и еще там ужасный запах. Тебе туда не надо, поверь.

— А тебе туда зачем надо?

— А мне надо. Надо кое-что проверить, я войду и через полминуты выйду. Просто побудь здесь, хорошо?

Рома неуверенно кивнул, и я прошмыгнула в палату. Там было трое пациентов и Смерть.

— Ну привет, давно не виделись. И как мне узнать к кому именно ты пришла?

Я подошла к Роминой матери, и рука тут же загорелась, значит, я могу ее вылечить. При свете дня Смерть хорошо видно, она подошла с другой стороны койки, и вплотную прижалась к ней. Дерьмо!

— Да ну брось! Может, забереешь кого-нибудь другого?

Если бы у Смерти была голова, уверена она помотала бы ею в знак отказа, и добавила бы: «не торгуюсь». Вита бы сейчас сказала — не вмешивайся в чужую судьбу. Но я понимала, что сейчас я могу вмешаться и в свою судьбу. Ведь если я вылечу Ромину маму, то он улетит на Гею, и возможно мы с ним больше не встретимся. Но с другой стороны, ведь нельзя дать человеку умереть только из собственной выгоды. Мой внутренний голос помолчал, а потом сказал, что за эти

годы я многим давала умереть, и сейчас ситуация не должна меняться.

Я стояла и в растерянности ждала того самого знака, который скажет мне, что именно сейчас тот момент, именно сейчас нужно забрать у Смерти жизнь. Никакого знака не было. Была лишь все больше и больше нарастающая уверенность в том, что Смерть как всегда должна забрать свое. Монитор соседней койки запищал, и вбежала сестра, а я вышла, чтобы не мешаться.

Мы просидели в больнице до вечера. Рома все-таки заходил в палату матери, и спустя минуту вылетел оттуда. Я знала, что видеть в таком состоянии родного человека очень нелегко. Я пыталась его успокоить, гладила, обнимала и целовала в висок, все это было чем-то само собой разумеющимся. Он вел себя так же, как будто мы уже не один год были женаты, а не познакомились только сегодня днем. Я как могла пыталась морально подготовить его к смерти матери, а он все отказывался это принимать.

Врач не говорил ни да, ни нет, первые сутки покажут, надо стабилизировать состояние, тогда и видно будет. Я это знала и без него. Рома надеялся на хорошее, а я знала, что будет плохо, и это Знание вызывало в моей груди ощущение бездонной пропасти, и мне казалось, что я в нее падаю.

На следующий день она впала в кому, и спустя три дня умерла, примерно в тот час, когда корабль, в котором должен был улетать Рома, стартовал на Гею.

Любовь с большой буквы

*Любовь не избирательна.
Избирательно желание.
В любви нет чужих.
Видеть себя во всех,
и всех — в себе, —
лишь это и есть любовь.*

Нисаргадатта Махарадж

Романа

Через неделю после похорон мамы мы с Евой подали заявление в ЗАГС. А спустя два месяца выходили из него, размахивая свидетельством о браке. Все до последнего дня пытались отговорить нас от этой безумной затеи, кроме папуаски Зины и моей свежеиспеченной тещи Виты.

Уверен, что в любой другой ситуации я бы и сам себя отговаривал. Но ситуация не была обычной и стандартной. Мы, конечно, любили друг друга, но эта любовь не была всепоглощающей и сносящей мозги набекрень. Такая любовь проходит так же быстро, как и начинается. Наши же чувства были другими, любовь была спокойной и уверенной, как будто уже проверенной временем.

Я и сам этому удивлялся, но удивление не отменяет факта. Я уже чувствовал себя женатым на Еве, как только она улеглась на мое плечо в зале ожидания, все как будто встало на свои места, и так и должно было быть. Меня даже немного удивляло то, что мы не встретились раньше, столько времени потеряли. А еще, мы не были желторотыми юнцами, которые путают первую серьезную любовь с чувством «пока смерть не разлучит нас». Мне было тридцать три года, Еве двадцать восемь, мы были взрослыми людьми, и ожидание непонятно чего было для нас просто потерей времени.

Вчера мы отметили полгода вместе. Нам интересно узнавать друг друга, просыпаться в одной постели и засыпать в ней же. Вместе готовить и ходить в магазин за продуктами, это прям наше любимое.

Когда я немного отошел от маминой смерти, я вспомнил о том, что не попал на Гею. Несмотря на то, что Федор Орлов умер, у Евы осталось много блатных знакомств, ее никто особо не вытеснял за рамки привилегированного общества. Само это общество было ей не нужно, но в случае чего она всегда могла обратиться к важным людям, и ей бы непременно помогли. А Вита так вообще чуть ли не с ноги открывала дверь в это самое общество, она часто просила разного рода помощи для своих волонтерских дел, и ей ни разу не отказали.

Каждый день, разглядывая нависшую в угрожающей бли-

зости Гею, я думал о том, что так и не исполнил свою мечту. Но теперь я был связан обязательствами, и насколько я мог судить, Ева не разделяла моей мечты. Если бы она захотела чтобы мы улетели на Гею, мы бы уже были там. С другой стороны, возможно она просто не задумывалась над этим. Я не хотел затрагивать эту тему, так как пообещал самому себе, что не буду пользоваться возможностями жены.

Однажды я все же дал слабину. Я сидел на балконе и ждал Еву, в теплое время года мы ужинали здесь, так как балкон не был застеклен, и мы наслаждались вечерним воздухом. Погода была замечательная, а Луна полная. В чистом небе Гея была так прекрасна, так притягательна и соблазнительна, что мне казалось, она заманивает меня, как сирена моряка. Показалась Ева с тарелками.

— Поможешь мне принести чай? — попросила она.

Это означало — пойди, и сделай хоть что-то, а не расслаивайся здесь, я тебе не служанка! Иногда я забывался, но Ева не давала мне спуска. Я подорвался и пошел на кухню за чаем. Когда я вернулся, Ева стоя рассматривала голубую соседку, сегодня она завлекала всех.

— Ты хотела бы пожить на Гее? — как бы между делом спросил я.

— Нет, — с уверенностью ответила Ева.

— Совсем-совсем нет? Неужели тебе даже не интересно?

— Совсем не интересно. Что мне там делать? Вся моя жизнь здесь. На Гее нет тяжелобольных и нет катаклизмов,

ломающих инфраструктуру, потому что инфраструктуры по большому счету нет. Те несчастные два миллиона человек, что живут на Гее, не живут под вулканом из-за перенаселения. Чем мне там заниматься, свеклу выращивать?

— Можно и капусту, — с улыбкой сказал я, уже пожалев о том, что завел эту тему.

— И еще пасти коров, нарожать детей и ограничить свою жизнь этим. Фу...

Тут Ева резко замолчала, отвернулась от меня, чтобы я не видел ее лица, и молча начала есть. Она не умеет скрывать эмоции, и все они написаны у нее на лице. Ева поняла, что ответила первое, что пришло ей в голову, а значит правду, просто не сразу поняла, к чему я клоню, и ее ответы были резковатыми. Если бы я сказал ей обо всем прямо, она подбирала бы тон и каждое слово. Ей было стыдно, что она вот так в лоб отказала мне, и практически ударила меня своим ответом.

Она не виновата в том, что думает так, как думает, и ее мнение не обязано сходиться с моим. Этому научила меня она. Я погладил ее по плечу в знак того, что не обижаюсь, и она чуть расслабилась.

— Если хочешь, мы можем просто слетать на Гею как туристы, я могу организовать это хоть завтра. Там пять дней можно спокойно находиться без заключения медкомиссии, — она глянула на меня, и увидела в моих глазах отказ. — Но тебе ведь не это нужно, ты хочешь там жить.

Ева замолчала и отставила тарелку. И кой черт меня дернул за язык?

— Пожалуйста, поешь. Я уверен, что по-человечески ты ела только вчера вечером, со мной. Возможно, днем Зинка впихнула в тебя какой-нибудь сочник, но этого мало. Пожалуйста, поешь. Не надо мне было заводить этот разговор, извини.

Я пододвинул к Еве тарелку, она взяла ее и начала есть, и бесконечно долго молча жевала, а потом заговорила с набитым ртом.

— Тебе не за что извиняться. Улететь на Гею всегда было твоей мечтой, и ты почти сделал это. Не случись беды с твоей мамой, ты бы уже был там. Я понимаю, что самому тебе очень сложно пробиться туда, а я могу устроить тебя на работу на Гее в два счета, но не делаю этого, потому что сама туда лететь не хочу. Так обстоят дела, — Ева проглотила и отхлебнула чая. — Я не могу удерживать тебя здесь, только потому, что ты мой муж. Если ты не можешь жить без этой планеты, и она всегда будет маячить в твоих мечтах, давай я отправлю тебя туда. Подумай, я говорю вполне серьезно. Люди сходятся и расходятся, и никакой трагедии в этом нет, это жизнь. Мне будет плохо без тебя, но мне будет еще хуже, от осознания того, что из-за меня ты находишься там, где находиться не хочешь. Я не хочу ограничивать тебя, твои мечты и твои возможности.

— Мои приоритеты изменились. Да, я хотел бы улететь на

Гею, но вместе с тобой. Ты неотъемлемая часть моей жизни, мы семья. Я даже представить не могу, что тебя может не быть. Я могу жить без этой планеты, но я не могу жить без тебя, — я улыбнулся, — да я вообще не знаю, как мы столько лет друг без друга выдержали. — Ева тоже заулыбалась, напряжение растворилось. — Выбирая между тобой и Геей, я без раздумий выберу тебя.

— Поняла, сучка? — Ева посмотрела на Гею и показала ей средний палец, — ты моего мужа не получишь, он выберет меня.

— Ты еще язык ей покажи.

— Что ты такое говоришь? Я же взрослая женщина, — с напускным приличием ответила Ева, и мы засмеялись.

Конфликт был погашен, как сода уксусом.

После того, как в моей жизни появилась Ева, все стало второстепенным, даже Гея. Ева не уставала удивлять меня своей добротой, но сама она говорила, что это не доброта, а Любовь.

— Понимаешь, не любовь, а Любовь.

— Нет, не понимаю, давай, расскажи.

Мне нравилось, как она рассказывает, точнее, что она рассказывает. Самые обычные вещи она умела вывернуть так, что с этой стороны я на них никогда не смотрел. Она не столько рассказывала, сколько показывала мне все это.

— Любая любовь предполагает какие-то условия. Будь это

любовь между мужчиной и женщиной, между друзьями, и даже родительская любовь предполагает условия. Ты будешь любить меня, если я буду тебе изменять?

— Ну ты спросила! Наверное, быть с тобой вместе я перестану, ну и любовь вероятно со временем пройдет.

— Вот, это условие. Не изменяй мне, и я буду любить тебя. Не предавай, и я буду любить тебя. Будь хорошим человеком, и я буду любить тебя. Люби меня, и я буду любить тебя. И так далее, до бесконечности. Та любовь, о которой я говорю сродни материнской, но и это не то. Вообще, не каждой женщине дано почувствовать материнскую любовь, а те, кто это чувствуют, вот так беззаветно любят ребенка потому, что с этим ребенком были неразлучны долгие месяцы. Многие путают эту связь между матерью и ребенком с Любовью. Это особое, волшебное чувство, которое не понять никому кроме матери, но и это не Любовь.

Та Любовь, о которой я говорю — *это Любовь безусловная.*

Любовь долготерпит,
милосердствует,
любовь не завидует,
любовь не превозносится,
не гордится,
не бесчинствует,
не ищет своего,
не раздражается,

не мыслит зла,
не радуется неправде,
а сорадуется истине;
все покрывает,
всему верит,
всего надеется,
все переносит.
Любовь никогда не перестает,

— хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится, — закончил я, — да, я помню послания к Коринфянам от апостола Павла, но такая любовь мне кажется, не сопрягается с жизнью в социуме, это утопия.

— Как раз в социуме она и может проявиться. Безусловность этой Любви можно сравнить со светом солнца. Солнце не выбирает на кого ему светить, оно просто светит, потому что такова его суть. Ему не важно, плохой ты или хороший, обидел ты его или нет, любишь ли ты его в ответ. Ты можешь даже сделать что-то, чтобы навредить солнцу намеренно, оно все равно будет светить, так? — я кивнул головой, здесь трудно не согласиться. — Так. Солнце светит, потому что такова его суть. То, что на тебя попадают его лучи, это побочный продукт. На самом деле, у солнца нет цели тебя согреть.

Я тебе сейчас разжевала японскую мудрость, которая звучит так: «Солнце не знает правых. Солнце не знает неправых. Солнце светит без цели кого-то согреть. Нашедший се-

бя подобен солнцу». Безусловная Любовь живет по тому же принципу. Человек просто Любит, и его Любовь покрывает всех, с кем он соприкасается. Здесь помочь кому-то или сделать добро другому не является целью. Понимаешь?

— Вроде да. Но в мире столько зла, столько грубости, зависти, подлости и прочего гадства, это должен быть вообще святой человек, с нереальной силой воли, чтобы всему этому противостоять. И я не знаю, как к такому вообще возможно прийти. Ты как к этому пришла?

— Мне очень повезло, я встретила Виту. Она воспитала меня с пониманием всего этого, и для меня такие вещи совершенно нормальны. Для меня не нормальны все гадства, о которых ты говоришь. Не зло суть человека, а Любовь. Чтобы Любовь стала нормой, и вообще человеческим естеством, человек должен вырасти в этом. Как если вырасти эскимосом в условиях крайнего севера, то холод и снег будет нормой. Даже если посмотреть телевизор или журналы, и увидеть, что где-то существует жара и пальмы, то все равно мозг будет воспринимать это, как нечто нереальное, и из рода фантастики. Но это ведь не фантастика, есть и юг и север. Так же есть Любовь и нелюбовь. Нас растят в нелюбви, поэтому Любовь кажется нам утопией.

Ты говоришь, что Любящий человек должен обладать огромной силой воли, чтобы вытерпеть все зло, но это в корне неверно. Любящий человек не терпит зло, он его *принимает*, а это совершенно разные вещи. Терпение несет в себе

насилие над собой, сопротивление. То есть человек силится, не соглашается с тем, что он терпит, и даже агрессивно к этому настроен. Он просто переживает, когда это закончится. Вот что значит терпеть. Любящий человек принимает, а принятие не дает побочных эффектов сопротивления, и соответственно ему хорошо. А терпящему человеку плохо, оттого он в твоём видении и святой.

Мне было сложно понять её философию, точнее принять, потому что русский человек живет по другим правилам, да и не только русский, большая часть мира так живет. Все делают мир на добро и зло, и отвечают соответственно. За глаз берут глаз. Когда я оказываюсь в компании уже двух таких женщин, а именно Евы и Виты, то меня накрывает волной их удивительного взгляда на жизнь, и мне ничего не остается, как расслабиться и качаться на этих волнах. Думаю, что если бы мы втроем жили на необитаемом острове, то и я стал бы таким же как они, потому что большинство формирует социальные нормы и правила.

А однажды я ездил с двумя этими утопическими женщинами на остров Суматра, разгребать последствия крупного извержения одного из вулканов. Тогда я обнаружил, что они такие не единственные в этом мире. *Таких людей много.* Они из разных стран, и разных национальностей и рас, и их много! Я удивился тому, что дожил до тридцати с лишним лет, а о таком и слыхом не слыхивал. Почему же таких людей и их мировоззрение утаивают от нас? Ведь если бы все люди

стали такими, то Земля превратилась бы в рай.

Ева говорит, что работа над собой тяжела, и эту школу невозможно закончить, потому что человек учится всю жизнь. Многим кажется, что страдать проще, жить во зле проще, и забирать глаз за глаз проще. Но это не так, и силы для этого прилагаются одинаковые.

Пока мы находились на Суматре, мне очень легко было поверить в то, что мир вот такой — добрый и сострадательный, не ищущий своего, потому что все, что человеку надо уже с ним и в нем. Но стоило мне вернуться в Москву, как все в одночасье изменилось. В первый же день какая-то тетка в магазине полила меня дерьмом за то, что я взял последний арбуз, а она тоже хотела, но не успела. И тут же я опустился до ее уровня и начал грызться с ней из-за какой-то ерунды! Если бы Ева была со мной, она отдала бы ей этот злосчастный арбуз, улыбнулась и пожелала бы этой сварливой бабе хорошего дня, и все это было бы искренне. А потом, глядя на меня с укором, сказала бы «если она вступает в борьбу, значит ей важнее, отдай, может быть, эта первая ее победа за год».

Я вышел из магазина, недалеко стояла палатка «овощи-фрукты», конечно же там были арбузы. Помню я шел домой с этим арбузом в пакете, практически трофеем, и не был ему рад. Тогда я понял, что сострадание делает человека сильным, а эгоизм слабым.

Случайная встреча

*То, что мы называем хаосом —
это всего лишь закономерности,
которые мы не сумели распознать.
То, что мы называем случайностями —
это всего лишь закономерности,
которые мы не в состоянии расшифровать.
То, что мы не можем понять,
мы называем бредом.
То, что мы не можем прочесть,
мы называем тарабарицей.*

Чак Паланик, «Уцелевший»

2046 год.

Как это часто бывает в Москве, зима началась внезапно. Вчера целый день лил дождь, а ночью сильно похолодало, и все замерзло. Утром начал идти снег, и валил целый день. К вечеру улицы были завалены сугробами, а дороги превратились в каток.

Я работал программистом в небольшой компании по строительству бункеров. После прилета Геи кто-то зародил в головах людей мысль о том, что иметь хоть малюсенький личный бункер в наше время просто жизненно необходимо.

Банки выдавали новый вид ипотеки — под строительство бункера, он был приравнен к полноценному жилью.

Мне хотелось добиться чего-то самому, и без Евиной протекции. Недавно ушел начальник IT отдела, и должны были кого-то повысить, конечно, я ждал, что повысят меня. Вопрос был не в зарплате, к счастью орловских денег нам было более чем достаточно, но я как мужчина должен был чего-то достичь.

Сегодня объявили, что повышают моего коллегу.

Мне не было бы так обидно, если бы он был лучше и квалифицированнее меня, но это было не так. Он просто был чьим-то протеже. Я знаю, Ева сказала бы, что все происходит только к лучшему, и я пытался это принять. Только не особо получалось, и я дул губы как маленький мальчик, за то, что конфету дали не мне. Эта гнильца в душе мне не нравилась, но я поддавался этому чувству, вместо того, чтобы его отпустить. Наверное, некая злоба все-таки нужна человеку, потому что все познается в сравнении, и добро на фоне зла выглядит куда привлекательнее. Со всеми этими мыслями я шел от метро, Ева дома, и мне хотелось скорее попасть в ее теплую, любящую ауру.

Было уже поздно, около двенадцати вечера, и во дворах было безлюдно. Издалека я увидел лежащего на дорожке человека. Наверное, очередная пьянь, сразу подумал я. Человек лежал в странной позе, ровно и лицом вниз, руки почти по швам. Было ощущение, что он поскользнулся и упал, да

так и остался лежать. Подходя ближе, я понял, что это мужчина, и пьянью он не выглядел. На нем были дорогие часы, это первое что бросилось мне в глаза, потому что они давали блик от фонаря. Дорогое пальто и обувь, странно.

Мне хотелось отвернуться от него и пройти мимо, так как на душе было погано, и мне хотелось к Еве, а своя рубашка ближе к телу. Пусть он и не местная алкашня, но все равно наверное пьяный, нормальный человек не будет валяться посреди улицы. Я обошел его и пошел дальше. Сделал два шага и остановился. Может он болен? В случае чего вызову скорую и пойду домой.

— Мужчина, вы живы? — спросил я, присаживаясь на корточки. Ну и глупый же вопрос я задал.

— Все хорошо, — совершенно спокойным тоном ответил лежащий. От него не пахло спиртным.

— Когда все хорошо на земле не валяются. Вам плохо? Может нужно вызвать скорую помощь?

— Нет, спасибо, я просто упал.

— Вы так минимум пять минут лежите, я увидел вас издалека. Давайте-ка поднимемся, а то так и заболеть недолго.

— Я не могу.

В его голосе слышалась дикая усталость. И тогда я понял — он и правда не может встать. Я помню, со мной такое было. Когда работаешь на пределе долгие месяцы, то очень устаешь и морально и физически. Со мной такое случилось пару лет назад, и я вот так же плелся вечером домой, и было

так же скользко. У меня тогда в голове крутилась одна мысль — как бы не упасть, потому что сил встать у меня уже не было. Мне казалось, что если я упаду, то просто засну.

— Хорошо, я понимаю, правда. Я вас сейчас подниму. Вот здесь в двух метрах лавочка, мы на нее сядем, ладно?

Мужчина ничего не ответил. Он был невысокого роста, но коренастый, ни без труда, но я его поднял, довел до лавочки и сгрузил на нее. Теперь, при свете фонаря я увидел его лицо.

— Ой, а вы так на Ежова похожи! Вам наверное каждый день об этом говорят. Никогда не видел таких точных двойников. Вам под кремлевскими стенами надо сидеть, в компании Сталина и Николая II.

— Угу. Так я и сижу, — с усталой улыбкой ответил двойник президента.

— Даже голос один в один! Ну надо же!

Я отвлекся на свои удивления, но подумал о том, что надо дальше как-то помочь этому человеку.

— Вы далеко идете? — спросил я.

— Если честно, я вообще не знаю где я, и как здесь оказался.

Я обратил внимание, что у мужчины не было при себе вообще ничего, ни сумки, ни даже телефона. Карманов на его пальто не было.

— Хотите я вызову такси. У вас деньги есть? Если нет, я могу дать.

И откуда вдруг такой альтруизм? Еще пять минут назад

я хотел пройти мимо него, а теперь готов оплачивать такси совершенно незнакомому человеку. Наверное это влияние Евы.

— Нет-нет, спасибо, думаю за мной скоро приедут.

— Вы же сказали, что не знаете где вы находитесь? Может вы головой ударились? — мужчина молчал, — давайте я сейчас жене позвоню, она не врач, но уже много лет работает в больнице. Мы вон в том доме живем, — я указал пальцем на дом, я даже видел свет в наших окнах, — она через пару минут придет. Она у меня добрая, всем помогает.

— Нет, не стоит. Не тратьте на меня время, уже поздно, идите домой к жене. Со мной все будет хорошо.

— Вы собираетесь просто сидеть на лавке, пока за вами кто-то (гипотетический и скорее всего вымышленный подумал я, но не сказал вслух) не приедет? На улице десять градусов мороза.

— Да, я просто посижу, — в его голосе появилась теплота, — спасибо, что подняли меня.

— Да пожалуйста. Только я не могу вот так уйти, вы же тут насмерть замерзнуть можете.

У мужчины не было сил со мной спорить, и я демонстративно уселся на противоположную лавку. Ну и холодина! Я был одет под завязку, шерстяной свитер с горлом, любовно связанный Евой, под ним футболка, штаны с начесом, под горло застегнутая куртка и шапка. А на мужчине было пальто нараспашку, под ним пиджак и рубашка. У него на ногах

были туфли! Этот человек не ходит пешком по улице, а из подъезда в машину. Кто он такой, и что здесь делает? Я не мог удержаться любопытства и начал расспрашивать.

— Вы хорошо выглядите, много получается зарабатывать на туристах?

Мужчина рассмеялся, как будто я сказал какую-то глупость.

— Мне хватает. Настоящий президент зарабатывает больше.

— Так у него и ответственность другая. Да и вообще, нелегкая это работа, страной управлять, тем более Россией.

— Хотите сказать, что вам нравится наш президент? — с любопытством спросил он.

— Да. Я его уважаю, — уверенно ответил я.

— А многие ругают.

— Ну, я думаю, он не особо обращает на это внимание. Что ни делай, а для всех хорош не будешь. Да и ругают те, кто не особо понимает мировую политику. Многие видят то, чего у нас нет, чего он для нас пока не сделал, но забывают, какую колоссальную работу он провел. Человек такое ненасытное существо, которому всегда мало, сколько ни дай, этого всегда будет недостаточно, и на соседнем лугу трава всегда будет зеленее. Просто много лет прошло. Когда в восемнадцатом году сменился президент, и пришел американский ставленник, он за два года развалил все, что такими трудами создавал его предшественник. Все уже забыли те времена.

Ежов к развалинам России пришел, просто ему думаете было? Легко руководить готовым, а когда прошлый хозяин все распродал, попробуй тут подняться с колен.

— У него было двадцать с лишним лет, на то, чтобы все исправить, думаете этого мало?

— Думаю достаточно, быстро только кошки родятся. И быстро не значит качественно. Как бы там ни было, я ему доверяю, он очень умный человек, и если он пока еще чего-то не сделал, значит он просто не может, не имеет возможности, или просчитывает риски. Он патриот, он не продаст Россию.

— И свои карманы не набивает?

— Конечно набивает! А вы знаете хоть одного нищего президента? Укажите мне на него пальцем, тогда и поговорим. Ежов конечно пользуется своей властью и благами, но он и для страны еще пытается что-то делать. И я даже рискну сказать, что не просто «что-то», а он делает все что может.

— А вы любите на политические темы поговорить, — с какой-то благодарностью в голосе ответил он. — Ну, а что вы думаете по поводу того, что нужно сделать, чтобы в России было лучше?

— Если бы я знал, то наверное этим бы и занялся. Это дело политиков, мы не одни на этой планете, и международные отношения выстроились задолго до нас с вами. Чтобы предпринимать какие-то действия нужно владеть всей информацией и деталями. Я такими вещами не располагаю, а потому я не гавкаю с места, что нужно сделать то и это. Это не в мо-

ей компетенции. Каждый должен заниматься своим делом. Ежов на своем месте, и я уверен, что он знает, что делает.

— Но, а все же, ваш взгляд как россиянина. Представьте, что вам дали власть, к примеру, что вы на один день стали президентом России, что бы вы сделали?

— Расстрелял бы англосаксов, а то они никак не уймутся, — со смехом сказал я, — это первое, что приходит на ум, и конечно это глупо. Если бы это дало нужный результат, то уже давно было бы сделано.

— А если бы вам дали не один день, а один год в роли президента?

Я задумался. Первое, что пришло в голову, это изменить концепцию нашей жизни, нашего менталитета, и нашего мировоззрения. Сделать россиян добрее. Хотя мы и так душевный народ, многое в нас не меняется веками. Россия — щедрая душа, это так. Но мы живем по принципу добра и зла, от этого и отталкиваемся. Если хорошо задуматься, то плохого и хорошего в принципе своем не существует, все относительно. Сейчас в соцсетях полно тем типа: сделай добро, спаси жизнь человеку, а спустя годы узнаешь, что он второй Гитлер. Понятия добра и зла относительны.

Отвечая на его вопрос, я хотел бы прийти к тому, чтобы все люди были такие как Ева и Вита. Я бы ему разжевал все, но меня останавливало то, что человеку «не в теме» такие вещи кажутся глупыми, детскими и сказочными, утопическими. Я сам прошел через это, и сам имел такие мысли. Все,

что человек не может понять, втиснуть в свои рамки и стандарты, его пугает, а потому он это высмеивает и отталкивает. Если бы передо мной каждый день не было Евы, и я не видел всего этого своими глазами, я бы и сам не поверил, и высмеял. И сейчас мне не хотелось быть высмеянным самому.

— Говорите, — сказал клон Ежова, словно прочитав мои мысли, — я вижу, вы о чем-то думаете, но не решаетесь сказать. Мне интересно, и сейчас я в таком состоянии, что готов серьезно воспринимать совершенно любые мысли. Пожалуйста, говорите.

— Это двумя словами не объяснить. Я и сам не так давно познакомился со всем этим. Вы знаете кем был Махатма Ганди? Что делал, чего добился и какими способами руководствовался?

— Да, я хорошо знаю мировую историю. Хотели бы ввести его философию ненасилия?

— Вы назвали конечный результат. Для того чтобы эта философия была естественной, людям нужно иметь должное мировоззрение. Ну а вообще да, я бы хотел, чтобы россияне жили со схожей философией.

— Вот видите, а сказали, что в двух словах не описать. И вы бы сделали это всего за год?

— Нет! Что вы! На то чтобы изменить менталитет и мировоззрение людей ушло бы очень много лет. На этом должно вырасти не одно поколение.

— И что же можно сделать за год? С чего бы вы начали?

— С введения должного образования в школах, и не только. Как создавали Советский Союз? Ведь там направленно меняли видение людей, и мы во многом до сих пор живем по тем принципам. Идеологию внедряли всеми возможными способами.

— Понятно. А у вас откуда вообще такие мысли? Я думал, вы сейчас ответите: снова повесить железный занавес, начать войну с Китаем и Индией, или хотя бы захватить Гею, так думают многие. А вы пошли путем пацифиста.

— Это все моя жена, она показала мне, что есть и другая сторона медали, и что можно жить и по-другому. Это ее философия.

— Буддистка что ли?

— Нет, она вообще ни в какого бога не верит. Ну а так да, все это оттуда, восточные философии.

Собеседник кивнул с умным видом, как будто всерьез обдумывал мое предложение.

— И какой в этом смысл? Что это даст России?

— Мир, — ни на секунду не задумываясь ответил я, и мой собеседник снова серьезно кивнул.

В ночной тишине были отчетливо слышны все звуки, и я услышал звук подъезжающей машины и обернулся, дорога была за моей спиной. Вдалеке я увидел целый ряд машин, я бы сказал кортеж.

— Это за мной, — извиняющимся тоном сказал мужчина, — благодарю за помощь и разговор, давно у меня такого не

было.

Он встал с лавки, и устало зашагал к дороге. Кортёж остановился прямо напротив нас. Дверь лимузина открылась, и из нее показался взволнованный парень в очках. Из машины, идущей перед лимузином, выскочили двое крепких мужиков в костюмах, и ринулись было ко мне. Но двойник Ежова поднял ладонь вверх и произнес:

— Все хорошо, оставьте этого человека.

И мужики, дружно буркнув «есть» сели назад в машину. Дверь лимузина тоже захлопнулась, и кортеж в две минуты исчез с моей улицы. Как будто их тут никогда и не было. Я посидел пару минут в растерянности, дивясь странности ситуации, а потом поднялся и пошел домой.

Продолжение жизни

— Где ты так долго был? — спросила меня Ева, я уже волноваться начала, и телефон у тебя «не абонент».

— Телефон сел наверное, а я не заметил.

Ева лежала в постели под одеялом и читала книгу, она была такая теплая и родная.

— Со мной тут такая история приключилась!

Я забрался к Еве под одеяло, и начал рассказывать все, что только что произошло. Ева лежала задумчивая, и когда я закончил ничего не сказала.

— Как думаешь, что это было?

— Не знаю. Но мне кажется, что это не мог быть настоящий Ежов. Как он там один оказался? Так не бывает, президенты в гордом одиночестве посреди ночи на улицах не валяются.

— Я тоже так думаю. Но очень странно все это.

— Я видела Ежова два раза. Первый раз я была совсем маленькая, он вручал папе награду Героя России, и еще кучу всяких орденов. Помню такую церемонию награждения забахали. И второй раз на папиных похоронах, он жал нам с Витой руки и выражал соболезнования.

Я посмотрел на Еву, ее брови были слегка сведены, это означало, что ее что-то беспокоит.

— Что с тобой? Я вижу, что ты о чем-то думаешь, и явно не о моей истории.

— У меня задержка, — сказала Ева, глядя прямо на меня.

— Да ладно! Ого! — с улыбкой сказал я, — Ого! Малыш, у нас будет ребенок?

— Ну, я этого не говорила, а лишь сказала, что у меня задержка. Я не собиралась тебя посвящать, пока сама толком не знаю. Но раз зашла такая пьянка, давай поговорим об этом. Я так понимаю, что ты был бы рад?

— Я не думал о том, что это произойдет так скоро, мы ведь с тобой даже года еще не знакомы, но когда ты сказала, то первой реакцией была радость. Конечно мне хочется детей и полную семью, я думаю ты будешь отличной мамой.

— Я думаю, мы оба были бы хорошими родителями, — с улыбкой сказала Ева. — Я всегда хотела детей, много, чтобы от них было шумно, и весело, и так по-настоящему. Взрослые не умеют быть настоящими, разучились, а для детей быть волшебниками естественно.

— Тогда я не понимаю, почему ты еще лет десять назад не вышла замуж и не нарожала кучу детишек.

— Тебя ждала, — Ева широко улыбнулась и подмигнула мне. — А вообще, когда я впервые столкнулась с детской онкологией, меня это так потрясло, что я вообще зареклась иметь детей. Пока ты не начинаешь вариться в этом каждый день, не видишь, какое *неподъемное* количество детей болеет раком, ты не оцениваешь ситуации. Мы скорее все помрем от

этой болезни, чем от случайного чиха или пука Геи. Никто от этого не застрахован, точные причины возникновения рака неизвестны, лекарства нет.

Рожать детей для меня тогда было сродни игры в русскую рулетку. Позже я несколько очерствела к этому, но не было ни одного мужчины, за которого я хотела бы выйти замуж. Уже давно можно просто рожать детей, для себя и без семьи. Но мне хотелось бы, чтобы у моих детей были оба родителя, и мама и папа, потому что они разные, и дают вдвое больше любви и заботы, чем могу дать одна я. Однажды я поняла, что не имею права отнимать это у своих будущих детей. Так что да, я ждала тебя.

Я обнял Еву и спрятал лицо у нее на груди. В тот момент мне все казалось идеальным.

— А что там с твоим повышением? Ничего пока не говорят?

— А, говорят, сегодня объявили, что повышают Леху Зайцева.

— Вот собаки! Ну ладно, не расстраивайся, — Ева расчесывала пальцами мои волосы и нежно терлась губами о мой лоб. — Все происходит только к лучшему. Надо поблагодарить за это Вселенную, потому что, не дав тебе это место, она тебя от чего-то плохого уберегла.

— От чего?

— Откуда же мне знать? Я ведь не волшебница. Однозначно от чего-то плохого, просто доверься ей, она точно

знает, что делает.

Утром следующего дня я проснулся один, по квартире летали запахи свежего завтрака и кофе. Войдя на кухню, яглянул на стол с удивлением.

— Мы что ждем гостей? — спросил я.

— Нет.

— А кому столько еды?

— Нам с тобой.

Ева отвечала коротко, без утреннего поцелуя и улыбки, она смотрела куда-то вниз и старалась не встречаться со мной взглядом, спросонья я не придал этому значения. Я подошел к ней сзади и обнял, одной рукой погладил ее живот. Ева убрала мою руку, и сама немного отстранилась от меня.

— Ребенка не будет, по крайней мере сейчас. У меня все началось.

Только после этих слов я окончательно проснулся. Ева не поворачивалась ко мне, но я увидел, как содрогнулись ее плечи, и понял, что она плачет.

— Малыш, ну ты что? Не плачь, пожалуйста, не надо так расстраиваться. Все это мелочи. У нас обязательно будут дети, только позже.

— Я просто уже так прониклась этим, и настроилась, мне казалось, что я беременна, говорят, что это чувствуешь, — говорила Ева сквозь слезы, — и мне казалось, что я почувствовала. Мне наверное просто очень сильно этого хотелось,

и я приняла желаемое за действительное.

Когда Ева успокоилась, мы серьезно поговорили на эту тему. Не было никаких препятствий для того, чтобы целенаправленно пытаться завести ребенка и начать попытки. На самом деле я и сам уже видел себя в роли отца, видел, как мы с Евой гуляем с коляской, и покупаем всякие игрушки, и квартиру побольше, как делаем в ней ремонт. Одна эта мысль перевернула все внутри меня. Теперь стать отцом я хотел так же сильно, как раньше хотел полететь на Гею.

Так как мы с Евой все еще узнавали друг друга, до этого момента я не знал, что когда моя жена сильно расстроена, то она готовит. В будущем только по количеству приготовленной пищи я мог догадаться, что дело дрянь.

Хабиб

— Она не начнет плодиться только потому, что ты так хочешь, — с укором сказала мне Хаджар, — человеческий организм тонкая вещь. Бедная девочка уже все слезы выплакала, наберись терпения, и усерднее молись.

Я недовольно махнул рукой, мне хотелось, чтобы Хаджар замолчала и ушла. Она увидела это, неодобрительно покачала головой и медленно пошла в дом.

Захра принесла чай. На ней темно-фиолетовый платок без отделки, это знак того, что она не беременна. Снова. Этот ведомый только ей одной ритуал что-то для нее значил, и

я не вмешивался. Мы поженились полтора года назад, все ждали наследника, но я уже понял, что быстро это не будет. На все воля Аллаха, а значит, пока он не хочет давать нам детей.

Захра поставила передо мной стакан и налила в него чай, она не поднимала на меня глаз.

— Выпей чаю со мной, — предложил я жене, а потом крикнул в спину уходящей старой служанке, — Хаджар, принеси еще один стакан.

Я пододвинул стул и взял Захру за руку, подсаживая к себе. Ее рука мелко дрожала, и я сразу вспомнил слугу Парви-за, который вел меня к нему в ублажение. Тот его страх перед Назри был одной из первых эмоций, которые я складывал в свою внутреннюю шкатулку, потому что они служили примерами. Вот так же все должны бояться и меня. И все боялись.

— Почему ты дрожишь? — удивленно спросил я Захру, она по-прежнему не поднимала на меня глаз. — Послушай, я могу делать что угодно, пытаться и убивать кого угодно, сжигать дома и пускать детей на органы, держать пленных и рабов. Я могу стирать с лица земли поселки и города и вести войны. Я могу делать такие ужасные вещи, которые даже не могут прийти тебе в голову, но я никогда не обижу тебя. — Захра все так же низко опустив голову рассматривала свои колени, — Ты обижаешь меня своим страхом. Да я скорее обижу Хаджар, чем тебя.

Только после этих слов Захра подняла на меня глаза полные слез. Старая Хаджар была старшей служанкой еще у На-зри, она была рядом все мое детство, и по-матерински относилась ко мне. Она любила и Захру, ей она тоже была практически матерью. Только поэтому Хаджар не боялась меня, и могла свободно высказать свое мнение. Она могла даже крикнуть на меня.

Однажды я спас ей жизнь, вынеся из горящего здания. Это было лет пять назад. Я был в Ираке, во временном штабе, Хаджар была со мной. Наше месторасположение вычислили американцы, и был налет. Я тогда вернулся за ней, рискуя не только своей жизнью, а всей нашей организацией. Конечно, поставили бы другого главу, мы слишком многого достигли, чтобы вся империя ИГИЛ рухнула из-за смерти ее халифа. Но это откинуло бы организацию на годы назад, а это уже большая победа. С того момента все боялись косо глянуть в сторону Хаджар, и Захра знала, что эта женщина была для меня на первом месте. Сейчас я сказал ей, что Хаджар смещена на второе место, а первое заняла она, моя жена.

— Ты еще так молода, у нас обязательно будут дети, не стоит так переживать каждый раз.

— Я должна родить тебе наследника, — сквозь слезы ответила Захра.

— А ты сама этого хочешь, или тебя только мнимый долг интересует? — мягко спросил я, мне не хотелось давить на нее.

— Конечно хочу, каждая женщина мечтает иметь детей.

Я прижал ее к себе и говорил успокаивающие слова, но думал я совершенно о другом.

Я учился в Германии, Назри настоял на том, чтобы я получил образование. Я видел и другую жизнь, и сталкивался и с другими религиями. Тогда я понял, как сильно мы отличаемся. Чтобы повергнуть врага нужно его знать, изучить его менталитет. Изучая чужую культуру, я видел многое. В исламских странах женщин не спрашивают, чего они хотят, им рассказывают о том, что они должны. Боюсь, что у Захры еще не сформировалось свое личное мнение относительно детей, она просто знала, что так должно быть.

«Каждая женщина мечтает иметь детей» эту фразу можно услышать на каждом рынке и повороте, в каждом доме. Женщина должна рожать детей, и должна хотеть этого, мужчины решили за них, и посеяли эту мысль им в головы тысячи лет назад. А дальше это семя передается от матери к дочери, и так до бесконечности. Захра инстинктивно хотела детей, но было ли это желание ее собственным? Это сложный вопрос, и ответить на него она сможет лишь когда станет зрелой женщиной. Мне хотелось как-то уменьшить ее боль, но ее стереотип об этом долге был впитан ею с молоком матери, и я не пытался его изменить.

Хотелось ли мне самому иметь детей? Наверное да, я был уже достаточно зрел для этого. Но я не скажу, что в моей груди вырастала пустота от неимения детей. Я лишь хотел,

чтобы Захра была счастлива. Несмотря на это все смотрели на меня с ожиданием, все ждали, когда же у меня родится сын, как будто я был королем, и от этого зависела дальнейшая судьба народа. Это было не так, я считал, что это не так, но многие расходились со мной в этом мнении.

Иногда я поддавался этому ожиданию народных масс, и был капризным и нетерпеливым. Честно и откровенно отвечая самому себе на вопрос «хочу ли я детей» я ответил, что мне все равно, по крайней мере, на данный момент это так.

Бойся, я иду

Мне нужно было перебираться на Гею, почти все к этому было подготовлено. На Земле за меня оставался Файзэл, он был моей правой рукой и сыном Амина. Такое же животное, жаждущее крови. Но Файзел был очень умен, и умел держать свои зверские инстинкты под контролем, даже когда адреналин заливал глаза. Этим он был лучше своего отца. Амин тоже был умен, и умеи он владеть собой еще неизвестно был ли бы Назри главным. Помимо прочего Файзел был моим другом, и наши с ним взгляды на ведение дел сходились. Назри несколько поменял тактику и подход к делу, а мы с Файзелом продолжили.

Нынешний ИГИЛ не был кучкой безродных псов, умеющих лишь воевать. Таким он был на момент основания в 2006 году. После смерти халифа в 2010 году главой стал Назри, он постепенно все изменил.¹² Раньше пытались привлечь на свою сторону высокопоставленных людей, политиков, журналистов, ученых, врачей, и многих других. Назри же решил, что нужно растить своих, а не привлекать сторонних. Теперь все, кто имел хоть какое-то отношение к руко-

¹² Вымысел автора. Представленная здесь террористическая группировка ИГИЛ (запрещенная на территории РФ) имеет иные пути развития и лидеров.

водящим постам, должны были получить образование.

Отбирались способные и проверенные люди и отправлялись обучаться в США и Европу, а потом возвращались и пускали свои знания на благо Халифата. Так уже к 2020 году у нас были лучшие в Азии врачи, стратеги и тактики, финансисты, а главное — ученые. У нас были отличные ядерщики и химики, конструкторы, математики, и программисты. А с прибытием Геи у нас появились свои космологи.

Сейчас ИГИЛ был не просто группой террористов, которые мешают всем жить. Сейчас мы были умным и развивающимся государством. Мы были конкурентоспособными. Уже давно весь мир начал воспринимать нас всерьез. Сейчас каждая страна на этой планете знала, что рано или поздно мы придем и за ней. На данный момент численность нашей армии превышает миллион боевиков, и мы догоняем США. Сейчас мы контролируем территории двадцати девяти стран, и не останавливаемся на достигнутом.

Единственное упущение для нас — это Гея. На сегодняшний день там постоянно проживает уже более двух миллионов человек, и нет ни одного нашего руководителя. Нам и другим группировкам на Гею дорога была закрыта, по крайней мере, все так думали. На орбите Геи были созданы космические станции с пересадками с Посадочных на Взлетные корабли, таким образом пограничный контроль был удвоен.

Однако различные преступники, и отвергнутые народом и государством люди, имеющие деньги, могли проникнуть

на Гею незаконно. Границы для того и придумали, чтобы их преступать. Сегодня у каждого олигарха в гараже имелся маленький космический кораблик для личного пользования. Если ему хотелось самостоятельно добраться до Геи, то на одной из космических станций он мог воспользоваться услугой по замене реактора, а при полете назад на Землю, его снова заменяли. Механика таких корабликов специально была сконструирована для подобных манипуляций.

Несмотря на все это существовали и люди, которые были готовы попрощаться с корабликом и оставить его там, где посадили. Если набрать высокую скорость и выбрать правильную траекторию полета, то в район северного или южного полюса можно было проскользнуть незаметно. Кораблики были столь малы, что разгоняясь до скорости света, в области магнитного поля планеты теряли сигнал. Однако такой маневр мог пройти, только если стартовать на Гею не с Земли. Все современные земные радары способны засечь даже стаю птиц, причем каждую по отдельности.

На Гее уже заметили, что начинают появляться нелегалы, и стали разрабатывать системы, которые могут отследить любое космическое судно, садящееся на Гею со всех ее сторон. Мне нужно было срочно улететь, пока была такая возможность. Хотя я уверен, что и позже найдутся лазейки, но лучше не терять времени. На Гее меня уже ждали, по всей планете легально работало около ста пятидесяти тысяч наших людей. Все они были образованными, и имели высокие ква-

лификации. Все выглядело более чем прилично.

В кабину кораблика помещалось всего лишь два человека, пилот и пассажир. Так как пилотирование космическим, пусть и небольшим корабликом было серьезным делом, пассажир чаще всего не был и пилотом в одном лице. Им не был и я. Тем более, что нам нужно было провернуть фокус с посадкой на северном полюсе, и уйти незамеченными. Уверен, что спустя несколько лет, возможно десятилетие, пилотировать космический корабль научится чуть ли не каждый, как сейчас учатся водить автомобиль.

В системах образования появилось множество новых факультетов связанных с космическими полетами, космической механикой, конструированием, системами связи и прочим. Новое поколение людей вырастет с новыми знаниями, и уже через двадцать лет молодежь будет владеть всей техникой, терминологией, и иметь такие навыки, которые для нас сейчас кажутся волшебством. Когда-то так было и с компьютерами. Назри так и умер, не умея толком пользоваться смартфоном и интернетом. Меня же к всевозможным технологиям приучали сразу, Назри очень хотел, чтобы я был грамотным настолько, насколько позволяют возможности моего ума.

Так как корабль вмещает только двоих, был создан план по отправке нужных мне людей на Гею, все они не могли попасть туда легальным путем. В течение следующего месяца каждый день по два корабля должны были садиться на Гею.

На месте должна была быть команда, которая нейтрализует реактор корабля, так как даже после отключения он еще около двух часов выделяет тепло. Нужно было не привлекать внимания. Первой на Гею отправлялась Захра, она была самым важным человеком, без нее у меня голова работала не в полную силу. Захра боялась, она была несколько суеверна, и в жизни своей не летала даже на обычном самолете, а тут сразу космос. Еще она не хотела оставлять меня одного, но выбора у нее не было. Я должен был лететь следом за ней, через десять часов.

План полета был таков, что сначала корабли улетали в сторону Юпитера. Так как космические полеты наконец стали повсеместно доступными, то появилось очень, очень много космических туристов. Они просто кишели в космосе, словно на площади какой-нибудь европейской столицы в разгар сезона. Были организованы символические космические трассы к Марсу, Юпитеру и Сатурну. Вдоль этих трасс была пара-тройка космических станций-портов, они существовали на всякий случай, и высылали помощь пострадавшим, если таковая была нужна. Эти же станции-порты контролировали туристические корабли и группы кораблей.

Контроль шел в полглаза, и был скорее похож на старушку смотрительницу в музее. На Земле же был более жесткий контроль тех, кто вылетал, к примеру, как на железнодорожном вокзале. Однако улететь с Земли просто так мы не могли, нужен был повод, и космический туризм был идеальным

предлогом. Корабли регистрировались не по отдельности, а сразу группами. В группе могло быть до 50 кораблей. Если ты вылетал на своем кораблике, то документов у тебя никто не спрашивал, и пограничный контроль был настолько поверхностным, что с пограничником ты мог и не встретиться.

Захра улетала через пять дней, она успокоилась, когда я сказал, что на Гее отличная экология, и вероятно это поспособствует зачатию ребенка.

13

Белый флаг

Ежов

Как же я устал. Смертельно. Неопишимо. *Я устал.* Я проснулся в пятом часу утра, и просто лежал в темноте. Когда Анжела начнет шуршать по дому, то можно будет вставать. Я так устал, что не мог даже спать.

Сегодняшний день довел меня до какого-то нового предела. Так всегда бывает, за границами одного возникает следующий предел, а не пустое, законченное пространство. И ты никогда не перестаешь переступать через свой личный, внутренний лимит «больше не могу». Это похоже на второе, третье, десятое, двадцатое дыхание.

С того момента, как два с лишним года назад мы начали постепенно заселять Гею не только учеными, а и простым народом, начался ад. Политический ад. И многие мирные жители Земли о нем и не догадывались. На Гее каждая страна заняла территории, которые занимает на Земле. Но иметь голую территорию и налаженную десятилетиями политику, торговлю и прочее совершенно разные вещи. Для одних стран это было хорошо, для других же плохо. Россия оказалась в очень выгодном положении.

Многие годы сами же россияне удивлялись тому, что на-

ша страна ведь так богата редкими и ценными металлами, углеводородами, такими как нефть, газ и уголь. Сибирь полна лесами, а ее реки золотом. Обширная территория европейской части страны (и не только) полна черноземом и плодородными землями. И при всем богатстве нашей земли, так небогаты люди живущие на ней. Да что с нами не так? Вероятно правительство, ведь оно управляет всем этим делом.

Все знают о богатстве наших земель, но немногие знают, что все эти богатства распроданы. Об этом позаботился мой предшественник, он продал контракты на выработку всего, чем богата русская земля нашим противникам. Мы по этим контрактам получали не более двадцати процентов прибыли. Таким образом на очень богатой русской земле был совсем небогатый народ.

Но на Гею эти контракты не распространялись, и все ресурсы наконец стали нашими. Однако были страны, которые не имели ничего своего, но обогащались за счет вот таких грабежных контрактов, а ранее попыткой колонизировать отдельные страны, да и весь мир заодно.

Оказавшись с пустой землей, эти страны шли проторенной дорогой, и пытались политическими ухищрениями заполучить власть и на Гее. Так и началось политическое противостояние, граничащее с военным положением. Так как на Гее было мало людей и практически не было вооружения, потому что таким был международный договор при первых совместных попытках высадиться на Гею, то в стычках люди

готовы были идти друг на друга чуть ли не с вилами и лопатами.

Был урегулирован хрупкий мир. Всеми силами я пытался удержать новую жизнь на Гее от войны. Но были люди, которые прибыли на Гею с противоположными целями. Сегодня утром, не успел я выйти из своей комнаты, как мой личный помощник Максим сунул мне в лицо планшет с видеозаписью. В ней Хабиб аль-Саид рассказывал всему миру о том, что он добрался и до Геи, и будет устанавливать Халифат на новой планете.

— Как он, мать твою, туда попал?! — вместо доброго утра гаркнул я Максиму, — Мы что, уже открыли на Гею свободный доступ террористам? Кто его пропустил?

— Северный полюс его пропустил, — аккуратно ответил Максим, его выдержке и умению контролировать себя позавидовала бы и статуя.

— Почему программу по защите полюсов Геи затащили?

— Вы лично дали разрешение на отсрочку.

Я тут же вспомнил, я действительно дал такое разрешение. На Гее руководителями всех стран были губернаторы, от России там был Конюхов Даниил. Развитие с нуля это дело небыстрое, с Земли многое оборудование не вывозилось, а производилось на месте, так как все материалы для этого были в свободном доступе на самой планете. Конюхов делил невеликие ресурсы как мог, он был грамотным организатором.

В тот момент у нас был серьезный конфликт с Польшей и Чехией начатый ими же, и военные силы были брошены на его урегулирование. Выделять людей и технику для охраны полюсов не было возможности. Конечные решения для всех важных вопросов по Гее выносились на Земле, и в тот момент я дал разрешение на отсрочку защиты полюсов.

На самом деле нелегально на Гею пытались проникнуть лишь единицы, и в основном все они были гонимы лишь азартом. Ни одна из стран не поддержала моей идеи о том, что в районе полюсов нужно организовать посты. Никто не хотел тратить ресурсы на «глупости». Когда я заговорил о возможном переселении террористов, все сделали вид, что они не настолько технологичны для того, чтобы добраться до Геи. Я же не считал их просто обезьянами с гранатами, аль-Саид любил похвастаться своими технологическими достижениями, и непременно выкладывал видео с их демонстрациями.

На деле же многие страны ждали, когда же ИГИЛ появится на Гее, потому что тогда они чужими руками смогут урвать ресурсы у других стран. Главное не начинать войну первыми. ИГИЛ, как и всем прочим нужны были деньги на развитие своей «страны». Война дело весьма затратное, так где же они брали средства на Земле?

Они нелегально продавали иракскую и сирийскую нефть на черном рынке, это основная статья их дохода. Еще они зарабатывали на налогах и наркоторговле. Бессовестно тор-

говали похищенным у захваченных стран антиквариатом, а также зарабатывали на грабежах их банков, торговлей на черном рынке всякой всячиной, в том числе людьми и их органами. Отдельной статьёй дохода была продажа зерна. На Гее в тех условиях, что на данный момент были, они не могли торговать ничем кроме нефти. Это значит, что, как и на Земле, основной их целью был захват стран, точнее их регионов, где нефть льется рекой.

На сегодняшний день на Земле остались лишь две не входящие в союз и не подконтрольные ИГИЛ нефтедобывающие страны — это Канада и Россия. Та нефтедобыча, что была налажена в США, Китае и Норвегии и других странах содержала собственные страны, и не торговала нефтью. ИГИЛ же нужны были крупные нефтерождения, поэтому под их прицел попадали мы с Канадой. Не имея достаточного вооружения на Гее мы могли быть легкой добычей. Хитрожопые канадцы были единственной страной, которая укрепила оборону северного полюса, но лишь со своей стороны, и ближайшим материком была Россия.

Как же вы все мне дороги...

— Только этого нам не хватало, — устало сказал я Максиму после просмотра видео, — все и так с голодными ртами смотрят в нашу сторону. А теперь еще и ИГИЛовцы. Сколько их успело спуститься на Гею?

— В районе северного полюса нашли шестьдесят один брошенный корабль, который вмещает в себя два человека. Если все они были полностью загружены, и я думаю, что это так, то получается сто двадцать два человека.

— А легальных сколько?

— Не могу назвать точную цифру, они ведь легальные, и их причастность к группировке лишь догадки, но около ста тысяч.

Я кивнул Максиму и направился к выходу. Идущий рядом помощник посвящал меня в расписание дня, но я слушал его в полуха. На меня навалилась такая усталость, что мне казалось, она прибивает меня к полу. Это была последняя капля, и я уперся в ментальную стену своего предела.

Мне нужно было решать кучу задач, потому как с появлением и доказательством Эффекта Орлова Россия вырвалась вперед и заняла лидирующую позицию в мире. Говорят, что человек на вершине горы не упал туда с неба. Это действительно так, он на эту вершину взбирался, и просто ему не было. А еще, следом за ним взбирались другие. Удержаться на вершине возможно даже сложнее, чем наконец взобраться на нее, потому что идущий следом непременно будет пытаться сбросить тебя вниз.

Сейчас на мне было целых две страны. Конюхов знал свое дело, отлично справлялся и без меня, но все решения были за Землей, а значит, я невольно участвовал в них.

Чем бы я ни занимался весь день, в моей голове вертелся вопрос — что же мы делаем не так? Ведь должно быть что-то еще. Глупо делать одно и то же ожидая разных результатов, Эйнштейн был бесконечно прав. Я делаю одно и то же. Раз ситуация не меняется, то я делаю одно и то же. Мне нужен новый подход, но какой? Я дал Максиму задачу перелопатить все возможные пути, все предложения россиян, пусть и самые глупые и безумные, он должен был найти мне свежие идеи.

К концу дня он дал мне отчет, очень быстро, но я сильно ограничил его во времени. Ни одной путной идеи не было, почти все они были лапотные и вели к войне. Более изящные и изощренные не учитывали всех политических изменений или были устаревшими. К ночи я перечитал кипу предложений, воспринимая всерьез вообще все! Чудес не бывает, и нового пути я не нашел. И тогда усталость накрыла меня с головой и пришибла к полу.

Мне хотелось выйти на улицу, но не успел я выйти из кабинета, как тут же подскочил Максим с новыми проблемами, а сзади тихо пристроились два охранника. И тогда мне до воя, до боли в скулах захотелось остаться одному. Я отпустил охранников, сказав, что выйду в сквер. Они конечно все равно подслеживали бы за мной. На столе Максима лежали карты на проезд в метро для сотрудников социальных служб, наверное кто-то забыл их там, или положил на время. И тогда в моей голове родился план побега.

Я тихонько умыкнул одну карту. Странное ощущение, потому что я с детства не воровал. Но я сказал себе, что беру лишь на время, и обязательно верну. Я президент, мне можно. Я надел пальто, и прокрался к черному входу, вышел и что было сил рванул к метро. Я не оборачивался, но мне показалось, что моего побега никто и не заметил. Вообще я никогда не отличался взбалмошностью, и вряд ли кто-то мог от меня такого ожидать.

Несмотря на поздний час в метро былолюдно и интересно, некоторые пассажиры смотрели на меня с любопытством, но по трезвой оценке я никак не мог быть настоящим президентом, и поразглядывав меня некоторое время они отворачивались. Многие и вовсе не замечали меня, как не замечали вообще ничего вокруг. Я обратил внимание на то, что восемьдесят процентов пассажиров вагона не отрывались от своих телефонов. Уже совсем чокнулись с ними!

На одной из станций метро большинство людей вышло, и я сел и прикрыл глаза. Спустя несколько минут я понял, что сплю, и мне снится сон. Я открыл глаза в тот момент, когда двери вагона открылись на очередной станции. Сам не понимая, что я делаю и зачем, я выскочил из вагона и вышел на улицу. Над входом в метро было написано, что это станция «Коломенская», где-то недалеко есть парк, и я направился на его поиски. Мне хотелось лечь на спину, на покрытую снегом траву и смотреть на звезды, к вечеру тучи разошлись, и их хорошо было видно.

От усталости голова перестала соображать, и я просто шел вперед, не разбирая дороги. Воздух был морозным, и мне нравился его запах, я глубоко дышал. Время перестало существовать, и я не знал, долго ли иду. В какой-то момент я перестал понимать, что я вообще делаю, куда направляюсь и зачем. Мне кажется, что я даже имя свое забыл.

И тут я упал. Неожиданно для самого себя. Просто поскользнулся и шмякнулся лицом об дорожку. Я понимал, что нужно встать, но не мог даже рукой пошевелить. Может я умер? Нет, это было бы слишком просто. Давай Ян, поднимайся, сказал я самому себе. Я сделал еще одну попытку пошевелиться, и снова ничего не вышло.

Тогда я сдался.

Я не сдавался уже много лет. Что бы ни происходило и как бы трудно ни было — я никогда не сдавался. Смерть жены, родителей, уход сына из семьи, войны, гонки за первенство — я не сдавался. А тут просто поскользнулся и упал, ничего не может быть глупее и банальнее, и сдался при второй же попытке встать на ноги. Я решил, что если я уже не властен даже над своим телом, то уже не властен ни над чем. Я не могу повлиять на дальнейшее развитие своей страны, и уж тем более мира в целом. Во мне больше не осталось идей и причин, стимулов и тонуса. Наверное, и самой жизни во мне больше не осталось. Я стар. И я невообразимо устал.

Наверное, я заснул, или может быть потерял сознание, потому что я не слышал, как ко мне подошел этот странный па-

рень. Он спросил, жив ли я. Смешно. Мне и самому хотелось бы знать ответ на этот вопрос. Он поднял меня и усадил на лавку. А потом он узнал меня, но конечно не поверил своим глазам, он решил, что я двойник, который зарабатывает тем, что сидит под кремлевскими стенами и за деньги фотографируется с туристами. Меня это рассмешило, но я не стал его разубеждать. И тут он сказал, что я, точнее президент, ему нравится. Мнение народа делилось, кому-то я нравился, кому-то нет.

Он начал говорить о том, что политика и управление страной дело совсем непростое, и мне захотелось с ним поговорить, узнать его мнение о развитии России. Я мог ожидать чего угодно, но только не философских речей, тем более от мужчины. Я слушал его, не особо веря в то, что его подход может что-то кардинально изменить. Но меня поразили его последний ответ. Когда я спросил, что все это может дать России, он ответил так искренне, как что-то само собой разумеющееся, как ответ взрослого на глупый вопрос ребенка — *мир*.

За мной уже ехали. Я знал, что меня найдут. Когда парень посадил меня на лавку я начал приходить в себя, и вспомнил, что в мое обручальное кольцо впаян микроскопический маячок. Я носил его не снимая, несмотря на то, что овдовел шестнадцать лет назад. О маячке знал лишь глава моей личной охраны. Это было сделано для того чтобы в случае похищения меня можно было найти.

Максим казался слегка взволнованным, а я знал, что в действительности он просто в панике. Не успел картеж тронуться, как он начал свой мягкий допрос. Максим нравился мне своей сдержанностью. Я не люблю лишней возни и шума, я люблю, когда все в рамках и по делу, если это касается работы. Девяносто девять процентов моей жизни касались работы, и Максим был неотъемлемой ее частью. Я взял его за руку, и он замолчал.

— Я просто хотел прогуляться и очень хотел остаться один. Я спер с твоего стола проездной, только кажется я его потерял. Скажи бухгалтерии, пусть вычтут из моей зарплаты.

Максим посмотрел на меня как на круглого идиота, правда лишь долю секунды, потом его взгляд снова стал профессиональным и сдержанным. Не знаю, что больше его удивило, мой комментарий про бухгалтерию и зарплату, или то, что я сбежал.

Мой личный врач, сидящий по другую сторону от меня, уже снял с меня пальто и измерял давление, потом проколол палец для анализа крови, чтобы понять, не пьян ли я, или может меня накачали наркотиками, или отравили, потом приложил ко лбу наноградусник. Мне хотелось от него отпихнуться, а в идеале вообще выбросить из машины на полной скорости, но нельзя, он просто делает свою работу.

— Вы могли бы сказать мне, — ответил Максим, — вы же знаете, что это осталось бы только между нами. Я думал, что

вас похитили, да еще и из Кремля.

— Ты бы за мной следил, а значит, я бы все равно не остался один. Ты поднял всех на уши?

Максим лишь многозначительно посмотрел на меня. Конечно он поднял. Он умный мальчик, и все делает по правилам, по протоколу.

— Позвони всем, и скажи, чтобы ложились спать, ночь на дворе, — Максим уже что-то печатал в телефоне, и он разрывался звуками входящих сообщений. — Знаешь, придумай что-нибудь вменяемое, не говори, что я просто решил тайно прогуляться в ночи.

— Уже. Я сообщил, что перепутал ваше расписание, и ошибочно поднял панику.

— Зачем взял вину на себя?

— Так лучше всего, человеческий фактор. И никто не будет искать подвоха и выдумывать теории заговора.

И еще никто не примет тебя за спятившего старика, подумал я.

— Спасибо, выпишу тебе премию, тебе сейчас не помешает. Когда твоя жена должна родить? Вроде бы уже скоро?

— Она сейчас в роддоме, позвонила мне как раз в тот момент, когда я обнаружил, что вы пропали.

— Вызови себе такси, прямо сейчас же, и дуй в роддом, — Максим кинул на меня неодобрительный взгляд, — это приказ. Выполнять!

— Слушаюсь, — буркнул он, и снова нырнул в телефон.

Кортеж привез меня домой, возле двери в домашней одежде и уперев руки в боки стояла Анжела. Злая. Я тяжело вздохнул, смиряясь со своей участью, и вышел из машины. За мной семенил врач.

— Ты где был, ирод окаянный?! Я уже все слезы выплакала, все думы передумала. Ты смерти моей хочешь? А? Я тебя спрашиваю! — Анжела размахнулась и ударила меня в плечо своим мясистым кулаком.

— На встрече я был, успокойся бога ради. Максим расписание перепутал, вот и вышла неразбериха, — устало ответил я, сделав вид, что не заметил тумака.

— А этот малахольный тут что делает? — спросила Анжела, схватив врача за отворот пальто, — за дурочку меня держишь?

— Анжела Борисовна, — не надо меня так трясти, и вообще отпустите меня пожалуйста, — взмолился врач. Анжела трясла его за грудки как приبلудного котенка.

— Анжела Борисовна, — мерзким голосом передразнила она, — глядите какой нежный!

Она отпустила пальто врача, но быстро надвигаясь на него погрозила ему кулаком прямо перед носом.

— А ну, говори, собака, что случилось? Иначе я от тебя мокрого места не оставлю, и чемоданчик это твой с пилюлями не поможет.

Этот цирк надо заканчивать, подумал я, но укрощать тиг-

ров я не умел. И тогда на меня опять накатила эта жуткая усталость, мне показалось, что я сейчас упаду от бессилия. Я покачнулся, и инстинктивно ухватился за ближайшую опору. Ею оказалась спина Анжелы. Она в долю секунды метнулась ко мне и подхватила меня под руку.

— Котик, ты чего это? Родненький, ну я же не со зла, я ведь тут места себе не нахожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.